ГКSО
Р161

В. И. РАВДОНИКАС.

Тихвинский уезд в годы революции.

ОЧЕРК.

ИЗДАНИЕ
ТИХВИНСКОГО УИСПОЛКОМА.
Тихвин — 1925.

В. И. РАВДОНИКАС.

Тихвинский уезд в годы революции.

ОЧЕРК.

СССР.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

ИЗДАНИЕ
ТИХВИНСКОГО УИСПОЛКОМА
Тихвин — 1925.

ГКSО
Р161

62188
У

Гублит № 169. Напечат. 400 экз.

Советская Типография, Город Тихвин, Советская ул. д. 71.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Накануне революции 1

II. Февральский переворот 12

III. От февраля до октября 19

IV. От октября до возникновения Советской власти . . . 30

V. Образование Советкой власти 41

VI. Первые шаги 46

VII. Трудности и неудачи 54

VIII. Борьба с эсерами. Возникновение уездной организации Р. К. П. (б). 60

IX. Красный террор 68

X. Советское строительство 75

ТИХВИНСКИЙ УЕЗД В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ.

Писать историю великой революционной эпохи, начавшейся в 1917 году, еще не настало время, но собирать факты и документы для этой истории пора давно. Факты забываются, документы гибнут, а ведь каждая мелочь, каждый штрих жизни, связанной с революцией, и важны, и дороги для нас. Дороги не только в смысле научном, но и просто, как пережитые нами памятные и яркие моменты, красочные воспоминания.

Настоящий очерк и имеет целью собрать в связном изложении, без всякой, конечно, претензии на научный историзм, важнейшие факты из жизни Тихвинского уезда в революционное время. Эти факты будут излагаться с возможно большей точностью и полнотой, с приведением важнейших выдержек из подлинных источников — из документов, из речей, из газет и листовок, из воспоминаний и т. п.. Жаль только, что источников этих для Тихвинского уезда поразительно мало. Архивы советских учреждений и общественных организаций Тихвинского уезда от первых лет революции в упорядоченном виде не сохранились; можно найти, и то с большими усилиями, только отдельные документы — обрывки протоколов, случайные остатки переписки и т. п. Это тем более заставляет торопиться с изданием работ, подобных настоящей, т. к. использованные в ней наряду с немногочисленными документами воспоминания и записки разных лиц легко могут исчезнуть (быть забытыми, затеряться), да и нуждаются в общественной критике современников и очевидцев, а такая критика может возникнуть только после опубликования данных, почерпнутых из этого рода материалов.

I.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

(по данным полицейского архива).

Было-бы крайне интересно дать приблизительно полную картину состояния Тихвинского уезда перед революцией — изложить экономическое его положение, охарактеризовать социальный состав на-

селения, положение отдельных классов, особенно, конечно, крестьянства, осветить местные оттенки классовых интересов и классовой борьбы с конкретными фактами и т. д.. Сейчас я вовсе оставляю в стороне эту серьезную задачу*) и буду говорить исключительно о настроениях Тихвинского уезда накануне революции, и притом на основании только одного источника — нескольких дел уездного полицейского архива. Этот архив, — богатейшее и ценнейшее собрание любопытных исторических материалов, — безвозвратно погиб: он был сожжен в 1920 г. по нелепому и преступному распоряжению кого то из членов Уисполкома в момент освобождения здания б. полицейского управления для Райпотребсоюза.

Случайно сохранилось несколько дел в синих обложках из этого, некогда огромного архива. Из них наиболее интересны три секретных дела «о настроениях населения», относящихся к 1914—1916 гг. и содержащие рапорты приставов и надзирателей исправнику и исправника губернатору вместе с разной перепиской, доносами, секретными справками и. т. п. материалом. Интерес этих дел двоякий, и для характеристики «работы» самой полиции, и для понимания, в самом деле, «настроения населения», отразившегося в этих полицейских сведениях иногда очень ярко.

В дальнейшем я просто буду давать в связном хронологическом порядке наиболее интересные выдержки из этих полицейских материалов или их сокращенные изложения.**) Комментарии в большинстве случаев будут излишни.

Тишина и неподвижность довоенной жизни уезда выражаются в стереотипных, повторяющихся из месяца в месяц в одних и тех же словах, рапортах исправника, доносившего губернатору, что в уезде за истекший месяц «среди крестьянского населения беспорядков, выступлений и волновавших крестьянское население ложных слухов не было. Рабочих забастовок и волнений среди рабочих не было. Среди интеллигентных слоев общества, лиц свободных

---

*) Эта область могла бы дать превосходный материал для занятий исследовательским методом по обществоведению в школе II ст. и педтехникуме. Можно было-бы коллективно разработать ряд интересных тем, — напр., — результаты крестьянской реформы в Тихвинском у., аграрное движение до и после 1905 года, история того или иного помещичьего рода, полиция и крестьяне, царский суд и крестьяне, налоги и повинности крестьян, способы эксплуатации крестьян при царе и капиталистах и т. д., и т. п.. Не менее интересно было бы и заняться и крепостным правом в местных условиях (множество тем), или отдельными моментами социально-экономической истории края и в более древнее время. Материалов для таких занятий сколько угодно и печатных, и архивных, и иных.

**) Большая часть этих материалов (но не все) уже опубликована в газете „Наш край", — 1918 г., № 4 и 5.

профессий и среди учащихся агитационной деятельности, недовольства существующим порядком вещей и действиями правительственной власти и вообще тех или других выступлений не было».*)

Но уже с самого начала войны это полицейское благополучие стало нарушаться и чем дальше, — тем чаще и серьезнее. Прежде всего и сильнее всего стало проявляться в народе недовольство войной и царем, как виновником войны. Уже 20 июля 1914 года во время первой мобилизации призванный запасной из деревни Фалилеево Анисимовской волости И. С. Серебряков, прощаясь с родными и знакомыми сказал, что «вот служил ранее 4 года. а теперь от малых ребят берут в солдаты, за что при первой встрече пущу государю первую пулю». Об этом донесли анонимным письмом в полицию, но при допросе крестьяне не выдали Серебрякова, отрицая обвинение всей деревней, за исключением только одного Степана Андреева, который показал против Серебрякова, яко-бы, из мести и вражды к нему. Дело было прекращено.

В октябре нищий Я. А. Смирнов, ночуя в дер. Буян Анисимовской волости у Н. А. Грабуздина, «в разговоре о войне допустил оскорбительные выражения против священной особы государя императора, заключающиеся в следующем: нашему государю не взять германцев, т. к. у них крепости построены из пробок и наши ядра отскакивают, а нашему царю придется идти в пастухи». Этого оказалось достаточным, чтобы беднягу нищего посадить в тюрьму и возбудить против него дело в самом Новгородском жандармском управлении. Очевидно были причины, заставлявшие полицию стрелять из пушек по воробьям и нервно отзываться даже на пустяки, но с некоторым налетом политики.

В октябре-же в пропаганде против войны и правительства попался волостной писарь Звонецкой волости В. С. Самойлов, о котором пристав Веригин донес исправнику, что «он, Самойлов, внушает опасность за его политическую благонадежность, тем более, что отец его за противуправительственную пропаганду отбывал наказание в крепости». Писарь Самойлов, как сообщал губернатору исправник, «в разговоре с крестьянами по поводу мобилизации и войны позволил себе высказывать следующее выражение: напрасно идут те, которых вызывают на войну. Что вы видите пользы от правительства? Даром кровь проливают, а после их же обложат по

---

*) Слова, взятые в ковычки, здесь и далее — дословные цитаты из документов.

десяти рублей с человека; мой бы отец вам не так раз'яснил; вы здесь как чумаки живете, гонят вас, как быков на убой».

В ноябре кто-то анонимно донес приставу Локотскому на сельского старосту Калитинского общества Костринской волости Н. И. Полякова, что он на сходе в деревне Липной Горке, «позволил выразиться про Е. И. В. государя императора в следующих словах: какой он царь, он пастух, а не царь — не может нарезать крестьянам землю». При дознании мужики не выдали Полякова и дело было прекращено.

Боязнь, что деревню могут волновать солдатские письма из армии, заставляла полицию на местах просматривать такие письма, а некоторые из них задерживать. Так, в ноябре приставом Орфинским было задержано адресованное крестьянке дер. Устья Лукинской волости Богдановой письмо «предосудительного содержания, способное вызвать среди населения волнение». Письмо было от ее сына — солдата, находившегося тогда в Выборге.

В это же время 18 летний парень дер. Хитино Большедворской волости Григорий Жаров совершил святотатство и жестоко оскорбил величество, спев на деревне под гармошку следующую, довольно неуклюжую, песню частушку.

«Пресвятая мать икона,
Ты сударушка быкова,
Ничего не говоря,
Скребем и батюшку царя».

Об этом узнал урядник, произвел дознание, факт виновности Жарова неоспоримо подтвердился. В конце концов дело было передано прокурору Новгородского окружного суда и чем кончилось — неизвестно.

Интересно, что крестьяне воспользовались культивируемым и восхваляемым в то время германофобством для проявления чисто классовой вражды. Например, в сентябре 1914 г. на ст. Пикалево солдат Павел Филонов говорил собравшимся крестьянам: «почему вы не можете выгнать отсюда немцев Рейтера и Мальш; — потому что они богатые, пьют чай вместе с приставом.... надо и богатых немцев выжить, а имущество их разделить между крестьянами, — составьте об этом подписку». Или, например, воспользовавшись немецкой фамилией земского начальника Глазиуса, — крестьяне Недашецкой волости открыто стали выражать свою ненависть против него, о чем в декабре того же года полицией было поднято целое дело, кончившееся удалением Глазиуса и призывом его в армию.

В январе 1915 г. некий Евгений Семенов, израненный, больной, вернувшись с австрийского фронта в Тихвин рассказывал про ужасы войны с самыми мрачными подробностями о лишении армии, о неподготовленности командного состава, о продажности и предательстве генералов, об отсутствии снарядов, и прочее. Как водится, донесли. Полиция ухватилась за Семенова и, в конце концов, он был посажен на месяц в тюрьму, по следующей резолюции губернатора: «такое малое наказание налагается лишь во внимание прежнего удовлетворительного поведения и поранения на войне». Семенов был пойман, но таких непойманных Семеновых, разносящих по деревням ужасную правду про войну, про правительство и действующих лучше всяких агитаторов, несомненно, было не мало.

В марте аналогичный случай был в селе Воскресенском Сугоровской волости. Искалеченный, по болезни вернувшийся с фронта домой, солдат Гаврила Родин делился там своими впечатлениями от войны с мужиками. Разговор зашел о главнокомандующем и Родин высказал свое мнение в таких словах: «еслиб не этот главнокомандующий, то войны давно не было, а был бы мир. Из за него мы воюем, мать его...., давно бы он был убит, ловят его, да он все в штатской одежде ходит». Кто-то из мужиков возразил; в споре Родин, между прочим, заметил насчет начальства: «надо их перебить, тогда и земли будет лишней много». По этому делу приезжал из Новгорода жандармский полковник Зубов, Родин был арестован и, кажется, жестоко наказан.

Уже к середине 1915 года война сделалась настолько ненавистна населению, что даже старухи в это время начинают непочтительно отзываться о царе. Так, в августе исправник писал губернатору: «30-го июля сего года проживающая в г. Тихвине кр-ка Тихвинского уезда Обринской волости дер Лучинской Горки Марфа Алексеева Фалева, 67 лет, в присутствии тихвинской мещанки Ольги Яковлевой, столовой ложкой стала отрывать приклеенный к стене портрет государя императора и государыни императрицы и, таким образом, разорвала портрет на разные части, и кроме того, позволяла себе колоть вилкою в глаза их императорских величеств говоря, что из за этого мой сын в плен попал».

Интеллигенцией в деревне, несомненно, велась кое где политическая пропаганда, но должно быть достаточно осторожно, т. к. секретных сведений у исправника об этом очень мало и они незначительны. В августе 1915 г. приставом Локотским производилось

дознание «по делу о противуправительственной пропаганде в чайной Тихвинской мещанки Акулины Киселевой ее дочерью, слушательницей высших женских курсов Любовью Киселевой в дер. Новинке Новинской волости». Доносчиком был священник о. Трофим Антониевский; но однако свидетели. на которых он ссылался, ничего не показали, отговариваясь незнанием. Обыск Локотского в чайной результатов не дал. Несмотря на это исправник остался при убеждении, что вредная пропаганда в чайной ведется и ходатайствовал перед губернатором о закрытии чайной, но губернатор для закрытия оснований не нашел и предложил пока только установить за ней негласный надзор полиции.

С конца 1915 года донесения приставов и рапорты исправника становятся все более и более тревожными. Начинались продовольственные затруднения, что всего тяжелее отражалось на положении крестьян.

В сентябре 1915 года в Недашецкой волости крестьяне «неохотно отпускают рабочих по платной реквизиции, принимая все меры к тому что бы остаться дома». 1-го сентября пристав Свечин доносил, что «в населении вверенного мне стана поднялся ропот ввиду неимения сахара.... ропот крестьян открыто увеличивается с каждым днем». 30-го сентября пристав Баранов пишет: «Настроение вверенного мне стана унылое и пришибленное, но никак не вызывающее.... что же касается настроения населения в связи с правительственными распоряжениями об отсрочке государственной думы, то население относится к этому безучастно, интересуясь более распоряжениями правительства о регулировании цен на предметы первой необходимости». В ноябрьском рапорте исправник сообщил: «в среде интеллигенции заметно скрытое неудовольствие распоряжениями об отсрочке созыва гос. думы; также есть неудовольствие по поводу недостигнутых правительством результатов по борьбе с дороговизной». В рапорте за январь 1916 года читаем: «продолжающееся повышение цен на продукты первой необходимости очень много влияет на настроение населения. Оно начинает нервничать, порождая разные неблагоприятные для торговцев слухи, особенно в сельском сословии. Отсутствие запасов и почти совершенно прекратившийся подвоз с'естных припасов, городским населением и интеллигенцией приписывается происках немецкой партии в правительственных сферах, как бы добивающейся этим понудить правительство заключить с врагом сепаратный мир». В феврале исправник пишет; «помимо недостатка предметов первой не-

обходимости, население начинает скучать и, по отсутствию табаку махорки, прибегает к курению разных суррогатов, как-то мху, сушеного испитого чая и раскрошенной бумаги из под сахара». В марте сообщается: «много неудовольствий вызвал недостаток предметов первой необходимости. Подвоз этих предметов в минувшем месяце почти совсем прекратился. В среде интеллигентного круга образовалось большинство лиц, сочувствующих и разделяющих взгляды членов государственной думы, ставших в оппозицию с правительством. Этот круг лиц в своей среде так-же критикует действия правительства по организации подвоза с'естных припасов и неподготовленности на разные случайности, вызываемые войной». В апреле исправник подробно излагает циркулирующие в населении слухп о неудачах нашей армии, предательствах, изменах и т. д., в мае описывает невероятно бедственное положение «6 — 7 тысяч рабочих из разных местностей, с амурской железной дороги переброшенных в Тихвинский уезд на постройку Волхово-Рыбинской жел. дор. подрядчиком Воропаевым».

В июле губернатор потребовал от полиции полный обзор общественно-политической жизни уезда, мотивируя это требование тем, что «события последних лет выдвинули на первое место вопрос об общественно-политическом движении и правительству настоятельно необходимо быть вполне осведомленным о различных его течениях». В обзор этот следовало включить» сведения о деятельности существующих в уезде политических партий, обслуживающей их печати. характеристики тех местных деятелей, на которых правительство может опираться или которые, напротив, находятся в оппозиции к нему. Обзор должен заключать в себе яркую картину общественной жизни уезда, характеристику существующих в нем учреждений и местных деятелей различных политических лагерей. Необходимо также оттенить значение, которое имеет в уезде духовенство». Требовалась также «строгая об'ективность». Обязанность собирать сведения для обзора на местах была возложена на приставов, наблюдательность которых и «об'ективное» понимание действительности оставляли желать много лучшего. В обзорах приставов, поэтому, много вздору и порой курьезных выводов. Но наиболее важное, наиболее яркое настолько уже било тогда в глаза, что не ускользнуло даже и от тупого полицейского взора. Поэтому эти обзоры дают в общем крайне интересную характеристику состояния уезда за $^1/_2$ года до революции, особенно, если взять только факты и отбросить толкование этих фактов полицией.

Пристав 4-го стана Нечаев бойким слогом, с претензией на литературность, уверяет в своем обзоре, что «всеобщее вздорожание жизни, тяжелое экономическое положение малоимущего класса не охладили патриотического порыва, не вызвали нежелательных эксцессов и личное «я» отошло на задний план... Как иллюстрацию, я позволю себе привести существующие комментарии населения о целях и задачах войны»—и далее сообщает правдоподобный пример из классовой психологии крестьян, который ему следовало бы истолковать иначе. «Примерно говоря»; — по сведениям пристава толкуют, якобы, между собой крестьяне,—«мы, человек шесть бедняков,—неужели не одолеем одного богатого, хотя и много у него всего; не тот-так другой—глядишь и дадут щелчка, а там и совсем добьют.» «Вот понимание войны простым народом,»—восклицает по этому поводу пристав,—«вот выражение уверенности в исходе этой титанической войны,—богатый немец будет забит щелчками бедных союзников.» Об «экономической и политической жизни вверенного стана» Нечаев резонерствует так: «крестьянин вовсе не политик и, если в некоторых случаях среди населения замечается известное течение вмешательства в чистую политику, то явление это должно рассматриваться, как искуственно занесенное той частью населения, которую принято называть «интеллигенцией» и рабочими городских фабрик и заводов, действующих на темную массу обещаниями о возможном захвате чужой земли (помещичьей) безнаказанно. Таким образом и «политика» крестьянина ограничивается только лишь одной прибавкой земли. Я полагал-бы признать что поднятие сельско-хозяйственной культуры и «облагораживание» земли путем этих культурных мероприятий изгнало бы политику из деревни навсегда. Развитие кооперации в деревне способствовало бы этому направлению, но»,—прибавляет Нечаев,—«политиканствующие деятели этой кооперации, в большинстве случаев люди сами невежественные и малоспособные, выписывающие грошовую либеральную газетченку, продолжают действовать в явно противуправительственном духе.» Далее донос мимоходом. «Примером зловредного действия этих «кооператоров» являются заправилы Кукуйского Кредитного т-ва с явно выраженными политическими физиономиями, но, ввиду известной тактичности, неуловимые для привлечения к судебной ответственности.» На благонадежную часть, населения, т.е. на помещиков и попов, Нечаев горько жалуется: «нельзя не поставить в упрек индифферентное отношение к общественной жизни местных помещиков—дворян, как руководящих лиц,

замкнувшихся в своем кругу и совершенно не вмешивающихся в жизнь провинции. Нет помещиков кооператоров, нет церковных старост, нет нотариусов, поверенных, строителей и пр. и пр.. Точно такую же роль играет и духовенство, и пассивность его к запросам населения крайне нежелательна. Беседы на религиозно-нравственные темы не устраиваются, нет сближения духовенства с народом, я сказал бы более — пастыри стоят вне стад своих и население обходится без священника в запросах своей духовной жизни.» После длинного ряда подобных обвинений Нечаев горестно восклицает: «отсюда полная обособленность полицейской службы и борьба их одних (чинов полиции) с темными силами, зачастую соединенная с поставлением самой жизни на карту».

Надзиратель 2 городского участка Горский сообщает, что в его участке политических партий не имеется, общественная жизнь течет нормально за исключением недовольства « на дороговизну» продовольствия и недостатка сахара. Как лиц, могущих состоять должными сотрудниками правительстве Горский почему-то рекомендует все тогдашнее правление потребительного общества: Ф. Н. Михайловского, Е. П. Грязнова, Д. М. Русецкого, В. А. Григорьева и др.. О попах пишет: «состоящее в участке духовенство из причтов Спасо-Преображенского собора и градской Знаменской церкви также имеет большое значение к поддержанию населения в нормальной жизни путем сказания при многолюдном собрании богомольцев проповедей.»

Надзиратель 1 участка Спиридонов сообщает то же самое, особенно подчеркивая полезную роль духовенства, которое «в настоящее время является в некоторой степени опорой правительства».

Пристав 1 стана Локотский 1 августа пишет об обычном ропоте, возбуждаемом дороговизной и даже не дороговизной, а недостатком предметов первой необходимости. Никакого политического «течения» в своем стане Локотский не замечает — т.к. будто бы, «все склонные к политике элементы призваны в войска, а оставшиеся непризванными люди зрелого возраста рассуждать о политике мало любят, а потому политическим деятелям пропагандировать свои направления и взгляды... мало интересно.» К работе попов Локотский относится скептически: «духовенство направления преимущественно правого, но население к их политической, нужно сказать, слабой деятельности относится несколько осторожно, рассуждая, что духовенство это делает по указанию начальства.» Особо отмечает Локотский, что«среди духовенства в своем приходе и

отчасти на стороне пользуется авторитетом священник Колбецкой церкви о. Стефан Соболев — правый.»

В донесении пристава 3 стана Баранова, читаем: «настроение жителей вверенного мне стана скорее угнетенное ввиду приближающегося время призыва ратников... Политических партий не имеется.. Правительственные учреждения — только волостные правления, где волостные старшины местные крестьяне, совершенно почти безграмотные, и помощи и сотрудничества с их стороны для полиции совершенно почти никакой не бывает; волостные писаря немного грамотнее старшин, например Обринский волостной писарь Кустов, не мог разобраться со словом включительно, упомянутым в Высочайшем повелении о призыве ратников и запросил раз'яснения этого слова... Духовенство между населения пользуется некоторой популярностью и оно могло бы для правительства оказывать громадную услугу, проповедуя среди них любовь к царю и отечеству, между тем они в большинстве этого не делают и скорее возбуждают кр-н против правительства, критикуя его действия..» Далее Баранов доносит на благочинного Николая Веселова, что тот будто бы неодобрительно отзывался о призыве ратников. Заканчивает Баранов свое донесение так: «между крестьянами имеется такое убеждение, что по окончанип войны всем участвующим в военных действиях нижним чинам за труды и победу над врагом будут даны льготы в отношении платежей и им будет нарезана земля бесплатно, отобранная от проживающих у нас в России Немцев и Австрйцев.»

Пристав 2-го стана Свечин пишет: «политически общественного течения, клонящегося к изменению существующего порядка вещей во вверенном моему наблюдению районе собственно нет; а потому нет и никаких партий. Население района состоит исключительно из темной деревенской массы и интеллигенты являются лишь единичным явлением. Отношение к существующим порядкам является поэтому вполне индифферентным. Правда, замечается некоторое глухое брожение среди деревни, но оно вызывается не общеполитическими причинами, а лишь тем тяжелым экономическим кризисом, который переживает наша родина.. Лиц, выделяющихся на поприще общественной деятельности во вверенном мне районе нет.» По мнению Свечина оказывается, что «интеллигентными силами деревни является лишь духовенство, но оно, будучи в массе строго консервативно не стояло и не будет стоять в оппозиции правительству. Наоборот, оно является деятельными помощниками в поддержании порядка и в этом отношении на него можно

положиться и впредь, благодаря тому влиянию, какое оно имеет на народ.» «(Пример 1905-1906 года)»—в скобках наставительно замечает Свечин. «Правительственными учреждениями в деревне» Свечин недоволен, — «т.к. они возглавляются теми же мужиками и никакого влияния на население не оказывают.»

Цитированные донесения приставов и надзирателей составлялись в июле и августе 1916 года. Общей сводки этих донесений по всему уезду, к сожалению, не сохранилось. В дальнейшем рапорты исправника губернатору становятся все более и более тревожными. В рапорте за август читаем, что «в населении замечается неудовольствие в отсутствии сахару.» В сентябре доносится, что» интеллигенция все больше и больше нервничает, занимаясь разговорами разных нелепых слухов, почерпываемых в столице из каких то злостных кругов. За последнее время в среде сельского населения подмечено стремление к самовольным порубкам леса в частно-владельческих дачах.. В некоторых волостях при взыскании с крестьян податей старшинам приходится получать ответы, что подати будут платить тогда, когда отцы и дети вернутся с войны». За ноябрь исправник пишет: «В среде интеллигентного класса и преимущественно городского населения большое распространение имели невыпущенные печатно речи депутатов Гос. Думы Милюкова, Шульгина и Шидловского. Все эти речи отпечатаны на пишущих машинах, литографированы и привезены разными лицами из Петрограда. Читались они обыкновенно секретным путем в одиночку и переходили из рук в руки от одного лица к другому. На основании прочитанного конечно были и суждения о правительстве в весьма нелегальных отзывах.»

Последние перед революцией донесения и сведения Тихвинской полиции не сохранились. Секретное дело о настроении населения за 1917 год бесследно исчезло.

В заключение привожу несколько выдержек из полицейских документов, рисующих правовую обстановку, в какой приходилось до революции работать тихвинским учителям.

В январе 1916 г. исправник донес губернатору, что «в местном высшем начальном училище на совете педагогического персонала в составе зав. Завьялова, трех учителей и законоучителя о. Стефановского составлено журнальное постановлеиие в демократическом духе о неправильных будто бы действиях директора народных училищ Новгородской губ., нарушивших их духовное равновесие и убивающих их энергию в деле образования». В чем заключались эти действия директора нар. уч. — однако не известно.

2 декабря 1915 г. урядник Васильковской волости, Тимофеев рапортом доносит исправнику, что «вновь поступившая на службу в Крючковское 2-х классное училище Новинской волости учительница Анна Кирилова... об'ясняет ученикам, что человек произошел от обезьяны, а не Богом сотворен, ввиду чего родители учеников возмущаются поведением учительницы Кириловой, так как всецело подрываются в детях и народе религиозные чувства к вере.» Доносу был дан ход. Производилось дознание, из которого видно, что уряднику на Кирилову донес кр-н дер. Вяльгино В. Н. Унковский, а тому, в свою очередь, его сын, учившийся в крючковской школе. Чем все это кончилось, из дела не видно.

20 октября 1916 года исправник пишет губернатору, что «в заседании 15 октября Тихвинского училищного совета обсуждался вопрос, может ли оставаться учительница такая-то в такой то школе ввиду того, что она разрешилась от бремени ребенком, прижитым от незаконной связи с сыном квартирного ее хозяина... Большинством голосов учительница такая то оставлена на службе... Не согласившиеся с мнением большинства я и инспектор Шукшин остались при особом мнении». Надо сказать, что доносов, касающихся интимной жизни учительниц, и соответствующих дел по этим доносам сохранился целый ряд. «Нравы» полиция стремилась оберегать так-же, как и «политическую благонадежность».

Итак, и в Тихвинском уезде к 1917 году наблюдаются все признаки наростания революционной волны. Перебои в снабжении продовольствием, дороговизна, растущее недовольство крестьянства, усталость от войны, озлобление против власти, буржуазно — либеральная и интеллигентская оппозиция,—все это отчетливо выступает в приведенных выдержках. Революция, конечно, в Тихвине вспыхнуть не могла,—для этого требуется гораздо большая степень сгущенности революционной энергии и наличие более активных социальных сил, но к поддержке революции Тихвинский уезд был готов, так-же, как и вся остальная крестьянская Россия.

II.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.

От Тихвина до Ленинграда по железной дороге всего 187 верст, а потому все, что происходило в Ленинграде в февральские дни (и позднее), — на другой же день было известно в Тихвине, даже тогда, когда газеты не выходили. Первые известия о революции,

первые волнующие слухи о выступленниях рабочих, о столкновениях их с полицией, о переходе войск на сторону восставших были встречены в Тихвине с живейшим интересом и, несомненно, с сочувствием, но не только не вызвали открытого энтузиазма, а даже наоборот-заставили тихвинского обывателя насторожиться и спрятаться. О революции в Тихвине заговорили во всех углах, но заговорили потихоньку, шопотком, подальше от полиции и начальства. У всех на уме назойливо вертелась мысль, несколькими днями позднее громогласно выраженная одним местным черносотенцем: «еще неизвестно, чья возьмет.» Боялись «как бы чего не вышло» и предпочитали прятать свое лицо «впредь до выяснения». Создалась напряженная атмосфера выжидания. Каждый слух, даже самый вздорный, ловили с необыкновенной жадностью и спешили разносить этот слух по ближайшим знакомым дальше и дальше.

Полиция растерялась и, видимо, не знала, что ей делать. Делать, впрочем, было нечего; «судьба родины и династии»*) решалась в Ленинграде, Тихвину оставалось только ждать, не более. Но если обыватель ждал с тайной радостью, — полиция ждала со страхом и томилась тяжелыми предчувствиями.

28 февраля в Тихвине стало известно о первых решительных победах революции, об аресте царских министров и пр.. 1-го марта среди жителей Тихвина по рукам ходил листок «Известий Совета Рабочих Депутатов № 2,» в котором черным по белому были напечатаны удивительные вещи. Правительство арестовано... Монархия низвергнута... Войска присягают государственной Думе... Не верить было нельзя, но верили не вполне и газету читали из осторожности все таки в стороне и вполголоса. Чиновники в учреждениях были ошеломлены до обалдения, в казначействе теснилась большая очередь, — предусмотрительные люди спешили взять назад свои вклады. В земской управе уже начинали проявлять внешние признаки радости, но все еще с оглядкой и толковали об «ответственном министерстве», как о пределе «чаемого и ожидаемого.» На железной дороге, живущей своей особой от города жизнью, проводились летучие собрания; в депо у рабочих был митинг и была принята резолюция. Жандармы спрятались.

Вечером 1-го марта должен был прибыть из Ленинграда эшелон солдат, назначенных в тихвинскую команду выздоравливающих. Уездный исправник Виноградов, все еще, видимо, уповая на счаст-

---

*) Слова из известной телеграммы Родзянко царю.

ливый для его стороны исход этой из ряда вон необыкновенной суматохи, нашел нужным отправить на вокзал для встречи этого эшелона несколько городовых и стражников, впрочем уже переодетых; явился на вокзал исправник и сам. При невыясненных обстоятельствах у полиции на вокзале произошло столкновение с гуляющей в ожидании поезда публикой. Началась драка, судебный пристав Федотов, проявивший несвоевременный и неуместный консерватизм, был побит и обезоружен, городовые и стражники разбежались, исправник едва спасся на извозчике; за ним гнались и даже стреляли сзади из револьвера. Это было первое и последнее столкновение полиции с народом в Тихвине; о нем долго потом ходили в городе подробные, но большей частью совершенно фантастические расказы.

А на другой день 2-го марта в Тихвине состоялась настоящая революция. Ее привезли выздоравливающие солдаты из Питера. Они своими свежими и дразнящими рассказами о питерских событиях быстро создали боевое революционное настроение в Тихвинском гарнизоне; в состав этого гарнизона, кроме упомянутой 12 команды выздоравливающих, входили команда воинского начальника, команда коменданта ст. Тихвин и еще госпиталь. Был сформирован т.н. «гарнизонный комитет» взявший на себя революционную инициативу и по его приказанию отряд солдат прежде всего арестовал исправника. Потом солдаты пошли по квартирам полицейских, обыскивали, отбирали оружие и кое кого забирали с собой. Арестов, впрочем, было немного; кроме исправника арестовали еще двух полицейских надзирателей и воинского начальника полковника Панкратьева. Никаких т. н. «эксцессов» не было. Жертв революции не было так же. Перепуганная на смерть полиция не сопротивлялась при разоружении, и, кроме ядовитых насмешек, не терпела других неприятностей от солдат. Разоруженные стражники и городовые были тотчас же об'явлены мобилизованными и назначены к немедленной отправке на фронт.

Покончив с полицией, солдаты принялись за обыски у «подозрительных элементов». Среди них оказались все более или менее видные уездные чиновники, директор реального училища, председатель и члены земской управы; даже в самом помещении земской управы-будущего центра временной уездной власти был произведен обыск (многознаменательное происшествие!). При обысках искали только оружия и, находя, отбирали его, не трогая ничего другого. Член земской управы Ф. Д. Баранов, известный в городе чудак,

ругатель, пьяница и «дворянин шестой книги», на требование выдать оружие выставил на стол три бутылки водки и с жестом заявил: «вот моя батарея» при громком смехе обыскивавших солдат. Этот случай весьма характерен, потому что все эти аресты и обыски в самом деле не имели в Тихвине и тени драматизма, обычно свойственного таким положениям. Не только без крови, но и без брани, без выражения ненависти, чаще всего с шутками, — грубыми, но не злыми, и насмешками низвергали солдаты уездную власть, и главный ее представитель исправник несколько дней спустя после ареста был освобожден и спокойно уехал в Новгород.

В тот же день 2-го Марта и теми же солдатами была устроена первая революционная демонстрация в Тихвине. На каменную площадь собралось много народу. Была музыка, духовой оркестр реалистов. Выступали ораторы, читались во всеуслышание «Известия Петроградского Совета» № 3. Публика держала себя недостаточно уверенно, хотя многие уже нацепили себе красные бантики на грудь. Недоумение и разговоры вызвало появление на демонстрацию с красными значками несколько заведомых черносотенцев и прохвостов; с одного из них красный бант был сорван рабочими из типографии. Демонстрация кончилась пением революционных песен.

После описанных событий власть в городе фактически оказалась в руках солдат. Нужно было теперь по общему мнению сформировать «настоящую» законную выборную власть, но на это никто не решался, т. к. местные общественные деятели из т. н. «уважаемых» все еще побаивались выступить открыто. Именно 3-го марта была сказана фраза «неизвестно, чья возьмет». Положение и тогда еще многим казалось неопределенным.

4-го марта начальник гарнизона капитан Боярогло оффициально об'явил, наконец, в расклеенном по городу приказе манифесты об отречении Николая и Михаила. Вслед за этим земством, городской управой и кооперативами была получена из Новгорода телеграмма, извещавшая об организации там комитета общественой безопасности и продовольствия под председательством А. А. Булатова и предлагавшая организовать такой же комитет в Тихвине из представителей земства, города, кооперации и сословий. Опасаться больше было уже нечего, но с организацией комитета в Тихвине дело затянулось. Те, кому всего удобнее было бы приняться за это дело, т. н.» авторитетныя лица» отсутствовали; председатель зем-

ской управы Н. А. Швахгейм и городской голова И. В. Воскресенский уехали в Ленинград (якобы по продовольственным делам, на самом же деле несомненно зондировать прочность переворота), уездный преводитель дворянства К. Н. Тимирев, как член государственной думы, был в Ленинграде также. Бывший в Тихвине помощник предводителя дворянства земский начальник А. А. Унковский, ввиду отсутствия более «авторитетных», решил, что задача образования «законной революционной власти» выпала на его долю и потому обратился в различные городские и уездные организации с предложением избрать представителей в уездный комитет.

Кое где откликнулись на это предложение. Выборы были произведены в потребительном обществе, в обществе образования (организация местной интеллигенции с кадетской окраской) и на собрании граждан у мещанского старосты на Петербургской улице (эти собрания происходили ежедневно; публика, собиравшаяся там получила меткое название папуасов).

5-го марта была устроена оффициальная и торжественная демонстрация в честь революции, в которой приняло участие население всего города. Демонстрация эта была действительным и радостным праздником. Все как будто помолодели от необычного и возбуждающего ощущения свободы. Колыхались тогда еще новые и непривычные красные флаги, мелькали красные значки. На площади с трибуны выступали ораторы из публики; речи их сводились к одному: как плохо было раньше и как хорошо сейчас, да здравствует революция! Ругали царей; преподаватель реального училища Сушинский битый час с аффектацией доказывал, что Екатерина II была очень безнравственная женщина. Толпа гудела одобрительно. Однако большинство с трудом разбиралось в смысле происходящего и воображало, что дело более всего идет о дровах и о муке. В публике разговоры о революции перемешивались с разговорами о продовольствии и последние, кажется, преобладали.

7-го марта приехал председатель земской управы Н. А. Швахгейм. Накануне или в тот же день была получена из Новгорода телеграмма о назначении Новгородским губернским комиссаром временного правительства Булатова и о возложении на председателей земских управ обязанностей уездных комиссаров. Утром 8-го марта в помещении земской управы собрались члены управы, некоторые гласные и из «третьего элемента» наиболее ответственные служащие. В этом кружке Н. А. Швахгейм от комиссарства без-

поворотно отказался, с грубоватым прямодушием заявив: «народ меня не любит, фамилия у меня немецкая, мои убеждения известны, новая роль не для меня». Доводы были веские, с ним согласились без возражений и тут же выдвинули на пост комиссара кандидатуру земского гласного крупного помещика Васильковской волости Н. П. Коновалова, кадета. Коновалов согласился. По предложению И. П. Мордвинова решено было при комиссаре образовать уездный распорядительный комитет из разных представителей для придания власти комиссара демократический характер и для облегчения его задач. Любопытно, что состав этого распорядительного комитета предполагалось избрать или утвердить на «вече», т. е. на всенародном городском собрании на площади.

Все это оформлено было на другой день на оффициальном совещании по организации уездного комитета, происходившем в земской управе при участии члена Госуд. Думы от Тихвинского уезда помещика Большегорской волости К. Н. Тимирева. Структура комитета была принята по проэкту Мордвинова. По его же предложению тут же, без всяких выборов было образовано основное ядро комитета. Для связи с уездом решено было привлечь в комитет выборных от волостей.

Возникновение нового комитета было встречено весьма холодно, если не враждебно, некоторыми кругами местной интеллигенции по мотивам «почему обошлись без нас» и это давало хорошие поводы для дальнейших интриг. Особенно злобствовала группа, сплотившаяся около «общества образования». Недоволен был и А. А. Унковский, оказавшийся со своим комитетом в весьма глупом положении. Глухой протест сочли нужным почему то выразить и «папуасы« мещанского старосты. Впрочем вся эта оппозиция вскоре утешилась, ухватившись за брошенную кем то мысль организовать свой, не уездный, а городской комитет. Городской комитет был действительно вскоре же образован и занялся контролем над городской управой и продовольственными делами города,

Таким образом к 10-марта февральский переворот в Тихвине был завершен и новые органы уездной власти сконструированы. Оба комитета и городской и уездный состояли из крупных помещиков или торговцев и служащих-интеллигентов. В гор. комитет вошли, впрочем, представители разных слоев, но он роли не играл. Комиссар временного правительства Н. П. Коновалов водворился со своим секретарем А. Д. Ершовым в помещении б. исправника и начал функционировать. Около него, часгью в том же помещении,

69188

частью в здании земской управы разместился уездный распорядительный комитет в довольно громоздком составе целых пяти комиссий.*) Городской комитет так же разделялся на четыре комисии**). Связь между этими двумя комитетами установилась через взаимное представительство, а по общим вопросам должны были устраиваться местные заседания под председательством Коновалова; уездный комитет, впрочем, считал, что городской ему подчинен. Кроме комитетов остались во всей их неприкосновенности уездное земство под председательством Н. А. Швахгейма и городская управа с головой И. В. Воскресенским. Гарнизонный комитет, сыгравший свою роль в дни низвержения уездной полиции, быстро утратил всякое значение и сошел на нет. Его место занял образовавшийся в первой половине марта «Тихвинский совет рабочих и солдатских депутатов», в котором рабочих, кажется, почти вовсе не было и главную роль играли солдаты. Первым председателем этого совета был писарь команды воинского начальника, бывший волостной писарь В. Н. Вишняков. Этот совет долгое время носил характер простого клуба, где солдаты собирались побеседовать и почитать газеты.

Пока все эти перемены происходили в городе, — деревня долго ничего не знала толком о перевороте; про деревню как то забыли в суматохе. Приезжавшие каждый день на базар с дровами и сеном крестьяне слышали, конечно, городские разговоры о революции и затем разносили неслыханные новости по ближайшим деревням; вести о революции проникали в уезд и с редкими лицами, отпра-

---

*) Осведомительной, продовольственной, по переформированию полиции в милицию, по разбору жалоб, податной. Членами уездного комитета к середине марта состояли след. лица: Н. П. Коновалов (помещик). М. Н. Буткевич (помещик), К. Н. Тимирев (помещик), Н. А. Швахгейм (помещик), И. А. Виноградов (купец), А. Д. Ершов, И. П. Мордвинов, В. И. Каченовский, А. Г. Остроумов, Н. Н. Башнин, Ф. И. Каменев, Е. Н. Грязнов, П. В. Осипов, Ф. А. Михайловский, Н. А. Качалов, К. Н. Филипов, С. В. Тучемский, П. А. Гущин — все служащие, преимущественно земские.

**) Осведомительную, продовольственную, милиционную и примирительную. В городской комитет вошли: от военн. ведомства — начальн. 12 ком выздоравл.— Л. Ю. Добрашевский, Н. М. Барсуков, М. А. Гладков, от общества образования: С. Н. Лебедянский, В. А. Успенский, Е. В. Скородумов; от о-ва потребит. — А. Г. Остроумов, Е. П. Грязнов, А. И. Попов; от гор. думы — гор. голова И. А. Воскресенский, А. А. Унковский, И. А. Виноградов, канд. М. Е. Федотов, от гор. управы — А. К. Богданов, И. А. Желтяков, К. П. Зверев; от земства В. Н. Каченовский, от граждан гор. Тихвина — В. А. Григорьев, И. П. Изотов, А. П. Марковский, К. П. Проскуряков. В. П. Богданов, канд. Я. В. Осипов, И. П. Сивириков; от ж. д. — М. М. Виноградов, от водн. трансп. — В. М. Семеняка, канд. И. В. Тихонов; от служ. в казначействе — И. Х. Пятушко; от професс. союза ремесленников — Ф. К. Крутицкий, канд. Н. И. Казанцев; от гор. духовенства — свящ. Н. Н. Богословский; от учителей М. Черемхин и В. В. Расвский.

влявшимися туда в эти дни по своим делам. Газеты в деревню вовсе не попадали. Только 5-го марта земский инструктор внешкольного образования И. П. Мордвинов разослал по уезду 300 экземпляров печатных телеграмм с манифестом об отречении. Мало по малу стали появляться питерские солдаты-участники переворота и солдаты с фронта, приезжавшие в отпуск; их рассказы слушали целыми деревнями, они будоражили крестьян и были настоящими революционными агитаторами. Связь революционного города с деревней осуществлялась в те времена именно при помощи солдат. Известия о перевороте крестьянами везде принимались сочувственно, но без всякой экзальтации и пустозвонства. Интересовались крестьяне вопросами: скоро ли теперь кончится война, как насчет земли и когда будет дешевый хлеб. Политические вопросы—о будущем государственном строе, об учредительном собрании и пр. не волновали крестьянство. По всем волостям уезда втечении первой половины марта было произведено разоружение полиции; кое где особенно ненавистным урядникам и стражникам досталось, но убийств не было. Затем были созваны уже бессословные волостные сходы, на которых избраны были вместо волостных правлений—волостные комитеты и вместо урядников — начальники волостной охраны; кроме того, каждая волость выделила представителей в уездный комитет. В сельских обществах были образованы сельские советы со старостами во главе.

III.

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ.

Первые шаги уездного комиссара и комитета при нем были направлены к упрочению их собственного положения и к предупреждению возможных беспорядков. Прежде всего поспешили с организацией милиции. На заседании комитета 14-го марта был утвержден «наказ милиции», составленный весьма либерально с перечислением свобод и «прав личности». Тогда же был избран начальник уездной милиции (Е. К. Дедерев), который в ближайшие дни навербовал милиционеров и поставил дело «охраны порядка» на ноги. В заботах о порядке комитетом был выпущен затем ряд

весьма красноречивых воззваний, в которых всего более бралась под защиту частная собственность.*)

Для информации населения о своей деятельности комитет стал издавать с 21-го марта листок «Тихвинские Ведомости» под редакцией И. П. Мордвинова. «Ведомостей» вышло всего 4 номера и на пятом номере издание прекратилось по интригам и происками одного из интеллигентских кружков.**)

В дальнейшем комитету более всего пришлось заняться продовольственными делами. Положение с продовольствием продолжало ухудшаться с каждым днем; надвигалась катастрофа; голод все ощутительнее давал себя знать. Одновременно развивалась спекуляция хлебом; торговцы прятали наиболее ходовые продукты и поднимали цены до крайности. Новой власти настоятельно нужно было принимать меры к предотвращению беды. Уже 2-го марта была введена карточная система. 11 марта продовольственная комиссия уездного комитета по докладу В. Н. Каленогского постановили создать в уезде и в волостях продкомитеты, которые должны были заняться скупкой по «справедливой цене» излишков хлеба от населения и распределением всех вообще хлебных запасов. 17-го марта комитет утвердил инструкцию о принудительной реквизиции продовольствия. 23-го марта воспрещено было изготовлять для продажи пасхальные куличи, торты и т.п. якобы «в целях экономии белой муки и масла», а на самом деле, что бы не дразнить голодных, число которых фатально возростало. Одновременно и комитет и земская управа и городская управа и кооперативы делали закупки и добывали наряды на хлеб, но в количестве более чем недостаточном. 26-го марта был созван уездный продовольственный с'езд из представителей волостных продкомитетов

---

*) Вот напр. одно из них:

Граждане!

Новое правительство просит вас сохранять спокойствие и порядок. Нельзя заводить беспорядки. Если заведутся беспорядки, то не миновать нам голода, а немец тогда победит нас и заставит русский народ терпеть еще худшие нужды и лишения. Знайте: кто учит беспорядку и кто заводит беспорядки, — тот изменник, тот хочет предать нас немцу. Не допускайте зря обижать людей, захватывать чужую собственность, разорять лавки и усадьбы, рубить чужой лес. Надо сначала победить немца И когда победим, — тогда мирно и справедливо — справимся со своими местными делами. Соблюдайте порядок! Слушайтесь Правительства и властей, которые поставлены Государственною Думою.

Комиссар Временного Правительства Н. Кокошилов.

Город Тихвин, 12 марта 1917 года.

**) Весьма почтенного члена этого кружка, а в тот момент учителя и инспектора гимназии, основателя реального училища в Тихвине С. Н. Лебедянского обозвали в газете с некоторыми основаниями провокатором и вот „ходуном пошло тресино государство“...

и кооперативов. Съезд разработал ряд практических мероприятий по хлебной монополии и карточной системе. Но положение трудно было улучшить только местными мерами, голод надвигался по прежнему и кое где начинались уже открытые продовольственные «беспорядки.» Такие беспорядки были, напр., во второй половине марта в волостях — Большедворской, Анисимовской, Кузьминской, Борисовщинской и Усадьевской, куда комитет должен был командировать своих членов для успокоения. Много недовольства в населении вызвали кооператоры, как ближе всего стоящие к продовольствию; в связи с этим осведомительная комиссия комитета 28-го марта постановила: «ввиду враждебного отношения населения к деятелям кооперации по причинам продовольственным, обратиться к населению с воззванием о бережном отношении к потребительным обществам и кооперации». По адресу «деятелей кооперации», действительно, можно было слышать в те времена в голодном народе самые страшные угрозы; крестьяне склонны были об'яснять недостаток хлеба «грязными делами» кооператоров и спекуляцией торговцев.

Не мало забот также было приложено уездным комитетом к обеспечению сбора податей. Поступление налогов с революцией прекратилось и это угрожало крупными финансовыми неприятностями в недалеком будущем. Нужно было сделать нажим на крестьянство. С этой целью были выпущены достаточно красноречивые, но совершенно безрезультатные воззвания и была образована особая податная комиссия, которая, отменив часть налогов, ввела или, вернее, восстановила принудительное взыскание недоимок через милицию.

И в других направлениях комитет с комиссаром старались проявлять распорядительность, но успеха не имели и со многими затруднениями справиться вовсе не могли. Новая власть не имела опоры в населении и с этой точки зрения отличалась (в глазах крестьян, напр.) от старой власти только тем, что не имела и ее материального авторитета. Новой власти не боялись, чему она сама способствовала своими неумелыми, неуверенными действиями, своей интеллигентской мягкотелостью и смешной фетишизацией либерализма. Вместо понятных и нужных для народа действий в продовольственном или земельном деле, напр., занимались болтовней о «гражданском долге перед родиной и революцией» и тому п. вздором; в серьезных вопросах топтались на месте, боясь проявить опасную левизну или наоборот скомпрометировать свой либера-

лизм излишним консерватизмом. В ложное положение ставила уездную власть крайняя чувствительность ее к так называемому, «общественному мнению», испекаемому авторитетами из среды уездной интеллигенции, насквозь прогнившей и способной только ко взаимной грызне и интригам. При всем этом основная классовая линия и комитета и комиссара была противуположна стремлениям крестьянства. Для крестьян комиссар помещик Коновалов мало чем отличался от исправника и это было, конечно, на самом деле так.*) Вот почему, по мере развития настоящей революции, по мере втягивания в нее крестьянства, беспомощная, нерешительная и нереволюционная уездная власть временного правительства, возникшая на основе союза помещиков, буржуазии и интеллигенции, все более теряла даже то весьма небольшое значение, которое она имела вначале. Мало по малу на нее попросту перестали обращать внимание и к моменту Октябрьского переворота к уездному комиссару обращались пожалуй только горькие пьяницы за разрешением на спирт и вино по рецептам врачей.

* * *

Революция внесла большое оживление в неподвижную до того жизнь Тихвина. Сперва началась полоса митингов, собраний и с'ездов. За долгое молчание при царе наголодались и вот теперь набросились с жадностью на возможность поговорить безнаказанно, вслух и публично. Опьяняло, развязывая языки, и новое щекочущее ощущение свободы. Собирались в разных местах весьма охотно по любому случаю и даже вовсе без случая. Очень скоро выделились настоящие ораторы, выступавшие постоянно (преимущественно местные учителя), потом появились и ораторы от партий. На всех собраниях: 1) ругали царей, 2) хвалилили свободу, 3) принимали резолюции и 4) непременно куда нибудь выбирали; выбирали в комитеты, в городскую думу, в союз церковных общин, на разные с'езды, выбирали ходатаев и делегатов в губернию, в Питерский совет, в Госуд. Думу и т. д., и т. д.. Общественные деятели бли-

*) Когда в Васильковской волости, где находились земля и усадьба Коновалова (имевшего всего 8000 десятин) было получено и расклеено по деревням воззвание за подписью Коновалова об охране собственности (см сноску на стр. 128) это воззвание звучало насмешкой над революцией;—крестьяне волости говорили по этому поводу так; „ишь ты, за свой лес и усадьбу ранее всего испугался, — нельзя, мол, рубить чужой лес; а то немец нас победит. Раз власть переменилась не чужой он, а наш и рубить мы его будем, а помещиков прогоним, как прогнали царя..“ Коноваловские воззвания срывались крестьянами и кое где вызвали сильное озлобление против уездной власти. Об этом мне рассказывал И. И. Кольцов.

стали на собраниях демократизмом и талантами, стараясь снискать выгодную популярность.

Раньше всего, кажется, начались уже упомянутые выше собрания у мещанского старосты на Петербургской улице («папуасы»). Сохранились некоторые протоколы (печатные) этих любопытных собраний и первый из них, относящийся к 3-му марта, начинается так: «пользуясь свободой слова, ныне предоставленной всем и каждому из граждан... собрание обсудило современные государственные события... после чего единогласно вынесло следующее решение.» В «решении» выражается одобрение переворота и, между прочим, высказывается солидарность с обращением «организационного комитета Российской Социал-Демократической рабочей партии, помещенного в № 2, 15-го марта сего года в известиях Петр. Сов. Р. Д.», заканчивается же решение так: «выразить от лица города горячую благодарность Его Высокопревосходительству Господину Председателю Исполнительного комитета члену Государственной Думы за принятие на себя временной власти, управлением и организацией порядка в стране и просить дальнейших распоряжений». Собрание не даром говорило «от лица города», — на нем ярко и полно был представлен численно преобладающий в Тихвине слой городского зажиточного крестьянства и ремесленного мещанства. В дальнейшем у мещанского старосты собрания происходили ежедневно. 5-го марта там вынесли недоверие городскому голове И. В. Воскресенскому. 6-го марта выбрали кандидатом в головы М. И. Кострова, причем, хотя последний, как говорит протокол, «во имя справедливости не отказывался», — однако на последующих, уже настоящих, городских выборах его забаллотировали и в головы переизбрали того же Воскресенского. 6-го марта собрание на Петербургской улице постановило «отслужить панихиду по погибшим борцам» и, по поводу злоупотреблений денатуратом, «просить делегатов граждан и военных принять меры к искоренению этого пагубного зла».

Много собраний устраивала интеллигенция, (особенно общество образования и, затем, партийные группировки) пользуясь для этого зданиями гимназии и нынешнего народного дома (тогда — «общест. собрание» или клуб). Устраивались общегражданские митинги, большей частью политические и часто с приезжими агитаторами напр., с участием члена государственной думы Тимирева 7-го апреля, или на тему о «займе свободы» с участием приезжего некоего Пекарского 11 мая и т. п., (но иногда и на иные темы)

напр. митинг 17-го мая Всероссийского союза демократического православного духовенства). Еще чаще, пожалуй, устраивались собрания групповые по профессиям, женщин, партийных единомышленников и т. п. 10-го марта было собрание ремесленников, 12 марта женщин, 14-го марта духовенства, 7-го апреля волостных писарей, 9-го апреля приказчиков и опять женщин, и т. д., и т. п. На этих собраниях над политическими вопросами уже преобладали соответствующие групповые интересы. 27-го марта в гимназии собрался, правда очень неполный с'езд учителей. Вечером с'езд «тепло и торжественно»*) встретил на вокзале возвратившегося из сибирской ссылки известного старого эс-эра Н. Н. Соколова. На заседании с'езда 28-го мая Н. Н. Соколов весьма подробно развил взгляды своей партии на текущие события и сильно повлиял на учителей; по крайней мере было принято по его предложению постановление заняться на местах организацией крестьянского союза и произвести выборы в совет крестьянских депутатов. В особенно торжественных случаях собрания выносились под открытое небо и принимали характер процессий; процессии уже со многими красными знаменами, лозунгами и плакатами были в городе 23-го марта в честь жертв революции и 18-го апреля в первомайский праздник. Почти ежедневно в это время устраивались спектакли, концерты и др. зрелища, причем сбор, как видно из сохранившихся афиш, шел большей частью «в пользу революции,» или «на построение памятника жертвам Революции» и т. п..

В собраниях и разговорах возникали организации более длительные и определенные, но весьма разнохарактерные. Больше всего выросло в первые два месяца нового строя профессиональных об'единений (союз ремесленников, союз писарей, союз земских служащих, учительский союз, союз лесоводов и лесных техников, союз приказчиков и т. д, и т. п). В середине марта образовалась «лига равноправия женщин». В это же время возник «еврейский просветительный кружок». В мае был кем то сфабрикован «союз демократического духовенства и мирян». Создавались и такие классовые группировки как, «союз домовладельцев» или «союз земельных собственников». Появились в городе и политические партии. Из партийных организаций только две существовали формально в Тихвине кадеты и эс-эры. Небольшой кадетский кружок, по составу сплошь интеллигентский (из учителей, земских служащих

*) Тихвинские ведомости № 2.

и лиц свободных профессий) был в Тихвине до переворота; он группировался около учителя городского училища И. И. Завьялова и отчасти примыкал к упомянутому выше обществу образования. В марте кружок легализировался под именем «Тихвинской организации партии народной свободы»; число членов в нем увеличилось, однако, незначительно и вообще кадеты успеха в Тихвине не имели: — для широких масс кадетская программа была бесконечно чужда, а ловкие дельцы, стремившиеся спекулировать на партийной принадлежности, должно быть, не особенно верили в кадетов. Кадетская группа регулярно устраивала собрания, вела агитацию, занималась предвыборными компаниями в уезде и культурно-просветительной деятельностью; она имела сильное влияние на земство и на уездный комитет (комиссар Н. П. Коновалов и его секретарь А. Д. Ершов были кадеты, так-же, как и часть влиятельных земских служащих).

Зато очень большой и очень громкий успех имели в Тихвине эсеры. В первые дни революции эсеров, кажется, вовсе не было в Тихвине; к концу марта в результате чтения газет и размышлений о судьбах революции многие по разным мотивам уверовали в эсеров и спешили проявить свою солидарность с ними. Неожиданно об'явилось удивительное множество эсеров. Среди них были, конечно, люди искренние — особенно из солдат, и крестьянства; эти были на самом деле увлечены и революционным прошлым эсеров, и их громкими лозунгами, и фразеологией. Но больше всего в этой пестрой смеси «мартовских» эсеров было или людей вовсе безтолковых, не разбирающихся в политике и идущих за теми, кто громче всех кричит о революции, или людей попросту бессовестных, негодяев, торгующих собой и принимающих те или иные убеждения в зависимости от степени выгодности их. Этих последних было не мало. В то время очень многие из «проницательных» думали, что в крестьянской стране будущее принадлежит эсерам и в погоне за этим будущим спешили, пока не поздно, перекрашиваться под эсеров. Эсерами становились офицеры, помещики, интеллигенты, булочники, бывшие черносотенцы, аптекаря, лавочники и т. д.. Эсеровская партия, всасывая в себя всякую нечисть, разбухала с каждым днем, а это, создавая видимость успеха, на самом деле вело к полному разложению и гибели.

В начале апреля при содействии Н. Н. Соколова образовалась формально «Тихвинская группа соц.-рев. Земля и Воля». Для этой организации сняли помещение в д. Проскуряковой на Екате-

рининской улице, где раньше было похоронное бюро (и даже вывеска не была снята); вот почему тогда в Тихвине вместо «пойдем к эсерам» говорили «пойдем в похоронное бюро». Организация выделила комитет в который вошли: Н. Н. Соколов (он же член сев. зап. обл. ком. партии соц. рев.), А. Е. Чистяков, Черемхин, П. М. Тихомиров, Никонов и др.. Комитет взял под свое влияние местный совет раб. и солд. депутатов, направил представителей в разные уездные учреждения и принялся за работу по организации и просвещению крестьян. В похоронном бюро с утра до вечера толкалась разношерстная публика; читали газеты, болтали о том и о сем, записывали новых членов. Организация «работала».

* * *

Волна собраний перекатилась и по уезду, 11 марта было собрание в Кукуе, 12 марта в Мелигиже, 12 марта в Пирозере, 19 и 23 марта — в Ильинском, 23 марта — в Колбеках, 25 марта — в Цвылеве и т. д.. В уезде собрания устраивала и верховодила ими сельская интеллигенция — учителя, кооператоры, даже попы. Все деревенские собрания протекали по одному типу: руководители докладывали, мужики внимательно слушали и в нужных местах одобрительно поддакивали; все постановления — и кадетов, и эсеров, и иных принимались единогласно. В местных ведомостях о сельских и волостных собраниях писали обычно так: «Собрание прошло замечательно стройно, согласно и даже торжественно. Костринская волость вступила в новую политическую жизнь с полным сознанием гражданских обязанностей и неотложных запросов момента.»*) Охотно и всегда единогласно принимая резолюции о всяческой поддержке временного правительства, крестьяне на деле пассивно ему противодействовали, — без шуму без выступлений, но весьма упорно и с гораздо более реальными, чем резолюции последствиями.

Время шло и мало по малу крестьяне сами и по своему стали разбираться в действительном смысле событий. Наблюдая факты, они поняли, что революция заключается не только в собраниях, на которых говорится много непонятных слов и выносятся приветствия Родзянко с Гос. думой, но что есть в революции стороны поважнее и среди них на первом месте — свобода. Понималась же свобода в деревне на первых порах в смысле избавления от всякого

---

*) Тихвинские ведомости № 1.

начальства. Царскую власть сбросили, урядников, приставов и земских начальников прогнали не для того чтобы на их место сели другие власти под новыми названиями, а для того что бы была свобода, рассуждали крестьяне. Лозунги «все для народа», «народная власть» и пр. тоже были усвоены в анархическом духе. Крайних и решительных выводов пока крестьяне еще не делали, но, напр., подати и арендную плату за землю платить прекратили, — к тому же и платить нечем было, время было голодное. Начались затем массовые порубки леса и помещичьего, и казенного, захваты помещичьих покосов, а кое где и полей с хлебом. Уездная власть боролась с «беспорядками», но чем дальше, тем безуспешнее. Поверив эсеровским агитаторам, крестьяне тщетно ждали закона о земле; ожидание затянулось и, надо заметить, не в пользу эсеровской партии. Не менее остро было нетерпеливое стремление к миру; верили, что с окончанием войны наступит и настоящая свобода, и избавление от голода.

Передовое учительство тогда почти поголовно эсерствовало и через него эсеры не без внешнего успеха действовали на крестьян. 29 апреля Тихвинская группа эсеров из похоронного бюро созвала первый уездный крестьянский с'езд. Чтобы собрать больше делегатов с'езд был приурочен ко времени созыва пленума уездного комитета и кооперативного с-езда, которые должны были открыться 1-го Мая. Крестьянский с'езд, втянув в себя состав этих двух с'ездов, вышел довольно многочисленный; кроме делегатов от волостей (среди которых надо сказать крестьян было мало, а преобладала сельская интеллигенция и верхи деревни) на нем участвовала вся группа похоронного бюро, Тихвинский совет раб. и солд. депутатов и много гостей, — всего на с'езде было около 300 человек. Накануне открытия с'езда вечером 29-го апреля было устроено предварительное собрание (с'езд не хотели еще открывать, так как делегаты прибыли только от 8-ми волостей), на котором были доклады с мест «о работе среди крестьян, о подготовке их к Учредит. собр., о чтениях, собраниях и митингах» и выступил с докладом об организации крестьянства член Новгородского комитета Соц. Рев. С. А. Бессонов, который говорил: «нужно об'единиться крестьянам всех уездов, создать уездные советы крестьянских депутатов, нужно об'единение и в губернский совет... Нужно самообложение так как нужны книги, газеты, чтобы получить знания.... и мудрено наладить все без уездного совета крестьянских депутатов. Он будет защищать и отстаивать интересы крестьян... Он же будет...

наблюдать за порядком и спокойствием по деревням, предупредит самовольные захваты земель, порубки лесов, (курсив мой) одним словом, поможет разумно и спокойно подготовиться к учредительному собранию, которое и решит все вопросы о земле и воле»... На эту же тему и с подобной же граументацией выступал на собрании член комитета группы «Земля и воля» А. Е. Чистяков.

30-го апреля в 6 часов вечера в гимназии открылся и пленум крестьянского с'езда. В президиум были избраны Н. Н. Соколов (инициатор и главный руководитель с'езда) Ф. П. Ершов (старшина сугоровской волости), И. К. Кирилов и В. Ф. Можаров (учителя). Главным докладчиком был Н. Н. Соколов; он до сонной одури заговорил с'езд и один сделал 5 докладов: 1) об учредительном собрании и будущем государственном строе России, 2) о земле, 3) об отношении к войне, 4) к временному правительству 5) о всероссийском совете крестьянских депутатов. Кроме него выступали — Каар (о петроградском сов. раб. и крестьян. деп.), А. Д. Никонов о работе на местах и о ближайших мерах по земельному (вопросу) и В. В. Раевский*) (об организации крестьян по волостям и о создании Тихвинского уездного совета крестьянских деп.). Резолюции по докладам принимались единогласно и все, конечно, в эсеровском духе. В заключение произвели выборы в уездный совет и на всероссийский с'езд крестьянских депутатов. Все сие успели сделать в одно заседание, которое длилось до 4-х часов утра. Очень немногие имели мужество досидеть до конца, но тихвинские эсеры, обрадованные легким успехом, в увлечении, кажется, не замечали этого. С'езд закрылся напутственной речью Н. Н. Соколова и благодарением по адресу инициаторов с'езда со стороны признательных его членов.

11 мая собрался учительский с'езд; на нем после некоторой борьбы с немногими кадетами безраздельно господствовали эсеры с Н. Н. Соколовым во главе. С'езд сделал все, что полагается; слушал многоречивые доклады, принимая эсеровские резолюции и пр.. На беду к с'езду примкнули городские учителя из средней школы — цвет уездной интелигенции. Начались кляузы, доносы, об'яснения по личному вопросу и всякая грязь. Упомянутый уже С. Н. Лебедянский разоблачал директора реального училища С. С. Закусева (явно метил на его место) и старался реабилитировать себя, обвиняя своих обвинителей. Ему возражали. Учителя из уезда слушали

*) Ныне (в 1923 г.) постригшийся в попы.

и недоумевали; при чем тут были они? Нашлись примирители и с'езд закончился вполне прилично.

* * *

А между тем поток событий становился все более стремительным. Развертывалась настоящая революция; обострялась классовая борьба, разгоралась классовая ненависть. Апрельские тезисы Ленина, отставка Милюкова, Керенщина, июньское наступление, июльские дни... Все это сопереживалось и в Тихвине, хотя бы по одному тому, что соответственно менялись темы докладов и резолюции на собраниях. После июльских дней на собрании главным образом ругали большевиков; в этом сходились все — и кадеты, и эсеры, и совет раб. и сол. депутатов. Модными сделались также вопли о «гибели родины и революции», или о «взбунтовавшихся рабах» Имущих томили тяжелые предчувствия, власть тщетно силилась быть властью, где то зрели контр—революционные заговоры, где то готовились к октябрю. Все больше возвращалось в деревню солдат и отпускных, и дезертиров. Солдаты умели говорить о революции на языке понятном деревне; от них многое узнавали крестьяне без докладов и резолюций. Узнали и про «большаков,» что взаправду воюют с помещиками и богачами за мир, землю и настоящую волю для бедняков.

В августе в уезде происходили выборы в «мелкую земскую единицу», в волостные земства. Была сделана первая проба «всеобщего, прямого, равного и тайного.» Партии и группы проводили предвыборную компанию с агитацией, печатными списками и пр., крестьяне в большинстве проявили решительное равнодушие и к волостному земству, и к выборам. Избирательные собрания приходилось повторять дважды и все таки крестьяне, особенно женщины, не шли к избирательным ящикам. В некоторых местах ловкими людьми был употреблен такой предвыборный прием: пустили слух, в народе, что мол, ежели будете в ящик опускать список № такой то,—через месяц получите по два фунта сахару на едока. Прием действовал замечательно, и там, где к нему прибегли, выборы были весьма многолюдными. Состав волостных земских управ получился разнообразный,—в иных местах преобладали учителя и кулаки, в других настоящие крестьяне.

Еще раньше созданы волостные земельные комитеты, но о деятельности их следов не сохранилось; по некоторым данным

никакой деятельности не было и комитеты играли только роль буфферов, сдерживающих аграрные стремления крестьян.

Начиная с сентября уезд выбирал в учредительное собрание, о котором давно прожужжали все уши. Как проходили эти выборы— документальных данных нет. Фигурировали партийные списки. Были и агитаторы. Голосовала ничтожная доля избирателей — крестьян. Большинство получил список эсеров, за ними — большевиков.

Надвигался Октябрь. Временное правительство переживало агонию. Цены росли. Обыватель беспокоился. Болтовня продолжалась, но уже без под'ема и даже с унынием. Во всем Тихвине мало кто понимал, что происходило в России.

IV.

ОТ ОКТЯБРЯ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Когда в Ленинграде совершалась октябрская революция, Тихвин был уныло спокоен. На улицах было грязно и по ночам очень темно. Каждый вечер, лавируя между лужами в темноте с фонариками ходила публика на вокзал к вечернему поезду, привозившему из Ленинграда газеты с новостями. В ожидании поезда беседовали в зале 1-го класса, а, получив газеты из киоска контрагенства, тут же читали их вслух и обменивались замечаниями. Зал 1-го класса с грудами спящих на полу солдат, с чахлым буфетом, ненужными плакатами о займе свободы на стенах, превратился в клуб. Разговоры были там политические; по преимуществу на разные лады возмущались и оплакивали революцию а во время и после октябрского переворота выражали протесты против «захватчиков—большевиков». В одном были все уверены,— большевицкая власть не просуществует и недели; в каждой очередной газете искали известия о свержении большевиков и, не находя, утешали себя уверенностью, что завтра или после завтра такое известие будет наверное. Рассуждали с горечью, а кое кто и с тайной радостью, что вот, мол, теперь после большевиков будет настоящая контреволюция, «бараний рог» «и кузькина мать». Ядовито острили по адресу советов, Совнаркома и знаменитых декретов о хлебе мире и земле. Декреты эти были вывешены на стенах залы и около них однажды произошел жестокий спор у одного из таких остряков с группой

железнодорожников. На железной дороге в то время уже был коллектив Р.К.П. и очень многие из железнодорожников рассуждали иначе, чем тихвинский обыватель.

Вокзальные разговоры довольно верно изображали отношение «революционного» Тихвина к пролетарской революции. Это отношение сначала было не очень серьезным, даже несколько легкомысленным, а затем озлобленным и пасивно — враждебным. Замелькали резолюции протеста и непризнания. Тихвинский совет рабочих и солдатских депутатов, которому по настоящему надлежало бы не медля ни минуты прогнать уездного комиссара с комитетом и об'явиться властью, принял по указке эсеров 29-го октября такую резолюцию:« действия большевиков признать преступными и недопустимыми для государственной жизни; бороться всеми средствами против большевитских и анархических выступлений, сохранять на местах полное спокойствие и продолжать работу по выборам в учредительное собрание, начатую временным правительством. Всеми материальными и моральными силами поддерживать временное правительство, борясь с контрреволюционными попытками, как справа так и слева».

Это был хороший ответ на призыв «вся власть советам». Городская Дума, кадеты, комитет, професиональные и иные организации вслед за эсерами и советом единодушно принимали уже успевшие стать шаблоном «боевые» посановления против октябрьского переворота; за переворот в Тихвине не высказался, кажется, никто. В похоронном бюро выходили из себя, но ограничивались только дракой на словах, т. е. бранью.

15 ноября открылось под председательством губ. предводителя дворянства М. Н. Буткевича очередное уездное земское собрание, которое, хотя и продолжало по старой привычке тянуть обычную канитель о фельдшерских пунктах и о степендиих в богадельне, но прежде всего, однако, горячо высказалось по текущему моменту и постановило: «1) присоединиться к резолюции Тихвинского Совета(!) 2) присоединиться к призыву Череповецкого земства (о сопротивлении «узурпаторам» на местах) и 3) просить уездных земских гласных раз'яснить населению, пользуясь способами, какие они найдут более удобными, всю губительность деятельности так называемых военно революционных комитетов, ведущих страну лишь к развалу и анархии и поручить управе составить от имени земской управы соответствующее воззвание, которое возможно шире распространить в населении». Насчет военно революционных ко-

митетов земское собрание предусмотрительно опасалось в долг, т. к. в этот момент в уезде ревкомитетов не было. Интересно что «выражая сочувствие всероссийскому совету крестьянских депутатов в борьбе с анархией ведущей Россию к гибели и приветствуя организующую крестьянство деятельность совета, земское собрание постановило ассигновать в распоряжение совета 1500 руб». В бессилии хватались за крестьянство, ошибочно думая, что оно на самом деле идет за эсерами и, значит, «даст отпор» большевикам.

Но у крестьян был свой «курс» и уж, конечно, протестовать против октября они собирались всего менее. Начиналась анархия; совет не взял власти, комиссар временного правительства давно уже эту власть утратил и местной власти в Тихвинском уезде в это время никакой не было, как не было и ни малейшей связи с центральной властью. По инерции, однако, все продолжало идти по старому, т. н. «общественная безопасность» ни кем особенно не нарушалась, милиция функционировала, учреждения работали, в городе было тихо, как всегда. Зато в уезде анархия сказывалась гораздо сильнее; впервые проявлялись подлинные социальные стремления крестьянства, почуявшего в безвластии родную стихию. Крестьяне поднимались; в этот момент они были вполне революционны и только круглые политические дураки могли тогда искать в крестьянстве опоры против октября. И опять таки своеобразную окраску тогдашней деревне придавали солдаты; теперь они уже массами возвращались в родные места. Каждый день, с каждого поезда, на каждой станции и полустанке кучами отваливались серые фигуры с узлами. Солдаты привезли в деревни известия об октябрьской революции, декреты о мире, земле и хлебе, иногда в упрощенной и вполне понятной поэтому интерпретации: «все теперь наше». Последнее нравилось больше всего, и хотя было очень голодно — деревня радовалась в эти дни, уверовав в будущее. Далекие и почти легендарные большевики становились весьма популярны в деревне; песенка эсеров была спета; с ними, впрочем, по прежнему были кулаки и часть сельской интеллигенции.

От солдат деревня перенимала революционную активность, которая, возростая, стала проявляться в действии. Налоги и вообще всякие платежи давно уже не выплачивались, порубки в лесу так же начались уже давно. Теперь добрались до земли и до помещичьих хозяйств. Поделить землю сразу было трудно, пока ограничились словесным об'явлением ее «нашей мирской», а за помещиков принялись всерьез. Начался период разгрома помещичьих

усадеб. Усадьбы громились не везде; их вообще мало (особенно крупных) в Тихвинском уезде, далеко не сельско-хозяйственном, — и очень немногие из них имеют характер предприятий. В некоторых местах устанавливался «худой мир» у крестьян с усадьбами ценой добровольной отдачи крестьянам части усадебного инвентаря и хлеба; мир постоянно нарушался новыми требованиями крестьян. Там же, где помещики или их управляющие в свое время насолили соседним деревням, — крестьяне охотно громили усадьбы. Много было частичных и, так сказать, длительных разгромов; крестьяне скопом приходили, спокойно брали, что им нужно — напр. хлеб, часть скота или орудий, и уходили обратно без всяких враждебных действий против хозяев. Через некоторое время приходили снова, и т д. Так были общипаны в ноябре и декабре усадьбы Базырина, Тимирева и Сновалева в Большегорской волости, Громошинского в Большедворской, Ребовского в Костринской, Мордвинова в Васильковской и др.. Помещики тщетно метались между своими усадьбами и Тихвином, но сопротивляться боялись и утешали себя мыслью о скором мщении «когда прогонят большевиков». Были и настоящие разгромы, — напр. усадьбы Любомирского в Воскресенском, которая была в конце концов сожжена, или второй усадьбы Тимирева в д. Мозолево.

Прямо таки классическому разгрому подверглась усадьба графа Менгдена «Горы» в Жуковской волости. Сам Менгден, какая то крупная величина в придворном мире*), никогда в этой усадьбе не жил и поручил ее управляющему, некоему Гастону Роланду. Роланд, француз по происхождению, мужчина толстый и совершенно свинообразный, открыто презирал мужиков, никогда не пускал их к себе в комнаты, разговаривая обычно через форточку или через порог, ругался самой вычурной и обидной бранью, держал злых собак специально для мужиков и т. п.. Мужики ненавидели Роланда и без револьвера он ходить опасался. После революции Роланду, естественно, пришлось скрыться и богатейшая усадьба, особенно ценная собранными в ней предметами искуства и старины (мебель картины, бронза, фарфор) оказалась без хозяйского глаза. Мужики долго терпели эту усадьбу у себя под боком и только в декабре двинулись, наконец, на нее в составе целых трех соседних деревень с намерениями очень серьезными. Усадьбу никто ни защищал. Наемные ее обитатели действовали вместе с

*) Во время революции он был, кажется, расстрелян.

мужиками. Разгром начали со скотного двора. Увели весь решительно скот. Собачник разрушили, часть гончих собак перебили, часть выпустили на волю. На оранжерее вдребезги разбили всю стеклянную крышу — и, так как был декабрьский мороз, оранжерея с ее виноградом, персиками и южными сортами роз тотчас же безнадежно погибла. Ульи вытащили из омшанника, раскрыли и пчел вытрясли прямо на снег. Затем принялись хозяйничать в доме управляющего и в барском доме. Вещи выносили, грузили на подводы и увозили по деревням. Что нельзя было увезти или что не казалось ценным, ломали, разбивали, уничтожали на месте. Картины рвали, на портретах выкалывали глаза, крепость мраморных фигур пробовали обухами топоров, фарфоровые статуэтки (были редчайшие XVIII века) бросали об пол. Рояль вздумали спускать со второго этажа на веревках, при спуске уронили, обломав ножки и педаль; потом, видя, что не управиться, переменили намерение и весь рояль тут же разнесли в щепки топорами. Зеркала старались увезти, но большей частью от неосторожности разбивали и их. Отрывали обои от стен, били стекла, вынимали печные вьюшки, отвинчивали ручки от дверей. Скоро от двух зданий ничего ни осталось, кроме мусорных куч, из обломков, обрывков, и слоев раскиданных и разорванных книг и бумаг. Одновременно вывозили «добро» из амбаров и кладовых. Локомобиль, обслуживавший все имение энергией хотели опрокинуть, но не могли; тогда принялись отвинчивать от него все, что только можно было отвинтить — рукоятки, краны, разные приборы и приспособления. Что не отвинчивалось, — сбивали отысканной где то кувалдой. Манометр разбили. Ободрали, помяли, привели в полную негодность весь локомобиль. С сельско-хозяйственными машинами обходились бережнее, их легко было увезти. Все вывезенное из усадьбы потом победили между собой. Деревни не принимавшие участия в погроме (проворонили!) жестоко ругались, но было уже поздно. Опоздавшие отчасти могли себя вознаградить, т. к. разгром продолжался и в следующие дни; в нем приняла участие вся Жуковская волость. Проделали большую работу. Выломали и увезли полы, двери и рамы в домах, сняли железную крышу, отодрали обшивку, разобрали даже каменные постройки и печи, увозя нужный в хозяйстве кирпич. От усадьбы остались только развалины на пустыре*).

---

*) «Наш край», 1919 г.; о разгроме этой усадьбы мне рассказывал также очевидец Укладников.

Кроме усадеб крестьяне громили конторы лесопромышленников (разгромили, напр., Громовскую контору в д. Усть-Капша Новинской волости), различные склады (напр., склад товаров Капилевича в Звонецкой вол.) и вообще все, что принадлежало буржуям и помещикам.

Начинались попытки организованных грабежей и на железной дороге, которые привели несколько позднее к отцепкам толпами крестьян вагонов с продовольствием; чаще были не отцепки (поезда уже ходили вооруженными, хотя и у крестьян было оружие, принесенное солдатами), а расхищения наготово отцепленных на раз'ездах «больных» вагонов. В иных деревнях поговаривали уже, что не худо было бы двинуться в город пощупать торговцев и иных разжиревших буржуев. В общем же крестьяне были настроены мирно, при разгромах убийств не было (если не считать разгрома у Капилевича, но об этом разгроме сохранились очень неясные и противоречивые сведения) и самые разгромы совершались «по закону» с полным сознанием крестьянами их правоты в этом деле. Волостные комитеты и волостные земельные управы не вмешивались и не препятствовали, в лучшем случае ограничиваясь словесными поучениями на тему «о народном достоянии» и «гражданском долге».

* * *

Несколько недель анархии, хотя и тихой, хотя и не воинствующей, порядком расстроили нервы представителям тихвинской «общественности». Больше всех волновались и заражали других своим волнением, конечно, помещики. Не только восторгаться революцией, но даже просто без злобы говорить о ней бросили уже давно. Много говорили о спасении родины, думая о спасении своего имущества. Ждали генерала, надеялись на армию. Армия же разваливалась скоротечно; за солдатами стали возвращаться и офицеры — потрепанные, обозленные, обиженные. Конец войны наступал, но как он обманул все ожидания! Офицеры обманулись больше всех: вместо триумфа, вместо банкетов и торжеств в честь «героев и защитников отечества,» — позорное бегство с маскировкой под солдат, без погон, с ежечасным риском погибнуть где нибудь неожиданно от солдатской пули или штыка. Вообще, жестоких разочарований было много.

Делались попытки сколотить хоть какое нибудь подобие власти в уезде и тем самым укротить анархию. В этом направлении ста-

рался голова И. В. Воскресенский,*) который изо всех сил изображал из себя в некотором роде Минина, — пыжился, восклицал, ездил на какие то с'езды, загадочно предсказывал «вот погодите, потом узнаете».. Прибывавшим офицерам — безработным и часто голодающим, Воскресенский давал работу при городской управе, но щедрости не проявил и посылал их, напр., на пилку дров в богадельню и т. п..

Земство повело более серьезную линию и по вопросу о сформировании власти собрало 3-го января 1918 года экстреное уездное земское собрание. Председательствовал М. Н. Буткевич. В докладе управы об управлении уездом говорилось:

„Когда центральная власть была захвачена, то фактически приостановилось все управление страной, т. к. власть т. н. народных комиссаров, не освещенная законностью и правом, не получила общего признания и естественным последствием этого распада центральной власти, явился вопрос об управлении на местах. Оставление прежних комиссаров временного правительства или замена их другими лицами по почину тех или иных организаций является недопустимой, т. к. народ не может допустить, чтобы власть находилась в руках лиц самовольно ее захвативших.. Единственным органом власти, в образовании которого принимал участие весь народ, является земское самоуправление, образованное ныне на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования“...

Далее в докладе цитировалось постановление Новгородского Губернского земства, в котором, как обычно, предлагалось»:

„Всеми мерами протестовать против насильственного захвата государственной власти одной партией большевиков, ибо этот захват, совершенный при помощи заговора не встретил всенародного сочувствия и ведет к анархии во всех областях жизни и тем самым грозит гибелью „родине и революции“. Власть так наз. народных комиссаров не признавать... Признать учредительное собрание единственным носителем всей полноты верховной власти...[Признать единственными полномочными представителями на местах избранные всенародным голосованием органы местного самоуправления, возглавляемые в губернии Губернским земским собранием.“ Тихвинская управа предлагает собранию присоединиться к постановлению

*) Этот тихвинский „деятель“ — образец пронырливости, беспринципности, ловкости и уменья приспособляться. Крупнейший помещик и богатый купец, — он нажил свое состояние аферами и темными делами, начав карьеру с роли приказчика. При царе он был черносотенец и городской голова. При врем. правительстве оказался чуть ли не революционером и сохранил свое положение. При советской власти его посадили в тюрьму, откуда он был освобожден бандой в момент антисоветского восстания 6-го мая 1918 г. Во время красного террора Воскресенский бежал из Тихвина, и в заложники попал его сын. Неизвестно какими путями и за какие дела, но к 1922 году Воскресенский за проявленную будто-бы энергичную деятельность по советскому хозяйственному строительству в Гдовском уезде входит в доверие и получает, как герой труда, от Ленинградского совета благодарность и часы с надписью. Сейчас он играет очень большую роль в Сев. Зап. Лес. Заг. Конторе. Пишу все это я отнюдь не в осуждение Воскресенского,—м.б. в самом деле он честно работает сейчас на советскую власть,— а просто для иллюстрации, — какие, иногда, бывают удивительные метаморфозы.

Губернского земства и принять на себя всю полноту власти в уезде. В принятии на себя земством такой власти" — аргументировала далее управа. — „представляется настоятельная необходимость, т. к. анархическое движение разливается и по Тихвинскому уезду и, если не принять действительных мер к прекращению этого движения, то это приведет нас к самым тяжелым последствиям; голод и экономическое разорение уезда неизбежны".

В заключение доклад раз'яснял что «нельзя ограничиться принятием одних лишь резолюций, но необходимо принять также и известные реальные меры». Под реальными мерами разумелось усиление милиции и предлагалось отпустить на сей предмет до 9000 рублей. Кроме усиления милиции рекомендовалось ускорить передачу в ведение земельных комитетов частно — владельческих земель уезда... Управа выражала надежду, что «означенные мероприятия должны внести значительное успокоение в население уезда и прекратили бы расхищение имуществ отдельными лицами». Собрание во всем согласилось с управой и постановило «принять на себя управление уездом», присоединиться к резолюции губернского земства, усилить милицию и пр. Вторым по степени важности был доклад управы о продовольствии. В нем «состояние продовольственного дела в уезде» характеризовалось словами — «хуже быть не может».

„Голодовка отдельных семей" — сообщала управа — „уже началась. Для пропитания уезда требуется привезти хлеба свыше миллиона пудов, а подвезено ничтожное количество; хлеб, назначенный для ввоза в уезд по водной системе, еще летом был задержан в Н. Новгороде и частью в Череповце; по жел. дор. хлеб почти не поступает. Но и те малые количества хлеба, которые поступали в уезд,—распределялись неправильно» —говорилось в докладе и далее пояснялось почему.—„Несознательность населения, отсутствие твердой, признанной всем народом, располагающей принудительно силой, власти ставит работу на местах в продорганизациях в такие условия, что из этих организаций все убегают, никто работать в них при таких условиях не может... Население привуждает силой заведывающих лавками выдавать хлеб и тем, у кого есть запасы. Уездная продовольственная управа под давлением наступающей толпы, также нередко принуждена была отступать от правильного распределения »

Управа уверяла, что она приняла все меры к получению права ввоза возможно большего количества хлеба в уезд. С выхлопотанными нарядами на хлеб были посланы закупщики, которые были в разных местах Зап. Сибири, в Уфимской губернии и пытались проехать в Полтавскую. Однако не один из закупщиков доставить хлеб в губернию не имел возможности... Потому что, якобы, «частные продовольственные организации, которые в настоящее время там находятся в руках большевиков, не разрешают вывоза, а в то же время крестьяне, по словам закупщиков, и в Сибири и в Уфим-

ской губернии заявляют, что они умрут, но хлеба большевикам не дадут». В результате всей этой продовольственной политики, — «земская управа по соглашению с городской и продовольственной управами, Советом рабочих и солдатских депутатов и союзом кооперативов принуждена была прибегнуть к крайней мере, — к задержанию вагонов с хлебом, проходящих через станцию Тихвин... Всего до настоящего времени было задержано 11 вагонов»... Защитники права и законности сами «прибегли», оказывается к анархическим захватам. По продовольственному вопросу собрание приняло постановление о 14 пунктах, начинающееся заявлением, что «только — немедленный созыв Учредительного Собрания спасет положение»; постановление это обречено было остаться на бумаге.

Итак уездное земство пыталось создать в лице земской управы подобие власти в уезде; попытку эту нельзя назвать иначе как гальванизацией трупа, — могло ли в самом деле царское классовое помещичье — буржуазное земство, хотя бы и приправленное эсерами, овладеть ходом революции. Цитированное выше постановление уезд. земского собрания от 3-го января никаких реальных результатов не имело, и крестьянство уезда реагировало на него отрицательно. Даже волостные земства, возглавляемые в большинстве деревенской интеллигенцией, эсерствовавшей и шедшей у буржуазно-либеральных земцев на поводу, большей частью отвергли предложение уездной управы присоединиться к ее политическому постановлению; здесь, несомненно, сказался напор революционной крестьянской стихии, — на собраниях волостных гласных в это время, как видно из протоколов, обычно присутствовали с правом совещательного голоса т. н. «посторонние граждане», т. е. крестьяне, всего вероятнее, преимущественно возвратившиеся из армии солдаты. Нет сомнений, что этот совещательный элемент на деле играл самую решающую роль, чем и об'ясняется, что из 22 волостных земств только 5 выразили солидарность с уездным земством, остальные же или промолчали, или (в огромном большинстве) прямо высказались против земства за советскую власть. Эти январские постановления волостных земских собраний по текущему моменту могут в известной мере считаться отражением настроения всего крестьянства уезда и потому представляют значительный интерес. Привожу наиболее типичные из них:

Деревское волостное земство; Протокол 12-го января. „Вопрос о моменте в политической жизни, постановлено: признать единогласно Советскую власть Обринское, 14 января; „слушали выписку из журнала Тихвинского уездного экстренного земского собрания 4 января 1918 года, Постановили: к постановлению

Тихвинского Земского Собрания не примыкать, не оказывая поддержки, как Губернскому, так и Уездному Земскому собранию и исполнительным органам Управам, всецело поддерживая Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совет народных комиссаров, требуя немедленно созыв Учредительного Собрания." Куневическое, 19 января. „Принятие на себя управления данной волости впредь до постановления основных законов всероссийских Центральных советов Солдатских Рабочих и Красноармейских Депутатов, 2). В настоящее время, что бы уездное и губернское земства присоединились совместно согласно Совета Рабочих, Солдатских и Красноармейских депутатов. 3) Власть волостное Земство поддерживает для защиты Трудового народа Властью Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Жуковское, 18-го января 1) Впредь до образования законной Центральной власти принять на себя управление волостью в лице Волостного Земского Собрания и его исполнительного органа Волостной Земской управы совместно с Советами Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. 2) Просить Совет рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов оказывать в их деятельности всемерную поддержку и 3) Требовать немедленно открытия Учредительного Собрания. Костринское, 23-го января. Постановили: 1) Волостное Земство, как избранное народное самоуправление должно существовать и с ним должна быть в контакте власть Совета Народных Комиссаров, которая признается постольку, поскольку, она отвечает требованиям трудового народа. 2) Как Земство, так и Советы должны принять меры к немедленному прекращению анархии, своеволия и бесчинства. Относительно постановления Тихвинского Уездного Земства от 4-го января об усилении милиции в уезде признать неосновательным. так как помощь волостному милиционеру могут оказать сельские комитеты, избранные народом. Всякая власть должна быть ответственна перед народным представительством, которое должно выразиться в Учредительном Собрании. Большегорское, 22 января, Собрание постановило: впредь до образования законной Центральной власти признать законной властью исключительно Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов и Народных Комиссаров. Звонецкое, 11—24 Февраля. После всестороннего обсуждения Постановили: Волостную Земскую Управу упразднить взамен которой избрать Волостной Совет. Саньковское, 18 февраля. Переименовать Саньковскую Волостную Земскую Управу в Совет Солдатских Рабочих и Крестьянских Депутатов в составе 20 человек. Усадьевское, 11 марта. Организовать повсеместно сельские советы и из таковых командировать по одному представителю в волость, которые сообща составят Волостной Совет, таковой из своей среды Волостной Исполнительный Комитет.

В Васильковской волости еще в декабре волостное земство было ликвидировано крестьянами и заменено волостным советом.

Пять волостных земств (Новинское, Большедворское, Анисимовское, Лукинское и Заборовское), присоединившихся к постановлению Уездного Земства от 3-го января видимо действовали изолированно от крестьянской массы и выразили мнение только своих верхушек и то далеко не единогласное и не последовательное, напр., Новинское 19-го января большинством 16 голосов, против — 8 постановило «присоединиться к резолюции Губернского Земства, т. е. что

вся власть должна принадлежать Учредительному Собранию в Государстве; а на местах волостным, Уездным и Губернским Земствам. По вопросу об организации в уезде отрядов Милиции по 10 человек каждый, предполагаемые разместить в 4-х пунктах уезда, Собрание постановило: считать подобные организации излишними, охрану же порядка в волости поручить местной милиции». Или Заборовское, земство 21 января. О порядке и власти в центре и об аресте Членов Губернской Земской Управы Постановили: 1) Вся распорядительная власть в волости должна принадлежать волостному Земскому Собранию и Волостной Земской Управе, при чем последние должны идти в согласии с волостным Советом Крестьянских депутатов. 2) Власть правительства Народных Комиссаров и исполняющих его волю Советов и комитетов не признавать и исходящие от них декреты и распоряжения считать не действительными. 3) Признать Учредительное Собрание единственным хозяином Российской Республики и всякие против него действия считать преступлением против прав Русского народа. 4) Выразить протест против насильственных действий, учиненных Советом над избранниками народа,—Членами Губернской Земской Управы и требовать немедленного освобождения их из под ареста, в противном случае прекратить всякую связь с советом. 5) Требовать немедленного открытия Учредительного Собрания. 6) Вышеизложенные резолюции опубликовать воззваниями и путем общей прессы.»

Одно земство (Красноборское) постановило: «Заслушав доклад Управы № 4 и отношение Тихвинской Уездной Земской Управы от 15-го Января с. г. за № 187, собрание постановило: вопрос, изложенный в отношеннии Управы оставить без рассмотрения впредь до постановлений своих соображений всех граждан волости чрез гласных волостного Земского Собрания.

Многие волостные земские собрания не ограничивались только резолюциями о признании Советской власти, но приступали к проведению первых советских декретов, и, конечно, в первую очередь,—декрета о земле. Напр., Сугоровское земское собрание 14-го января постановило «признать уничтожение частной собственности (на землю)», избрало комиссию по отчуждению усадеб и выработало целый порядок ликвидации помещичьих хозяйств. Имеется ряд аналогичных постановлений и др. волостных земств уезда.

Приведенные постановления крестьянских собраний, так же как и ряд других фактов, не оставляют никаких сомнений, что к этому моменту (январь-февраль 1918 года) политическое устрем-

ление крестьянства выразилось уже определенно в форме тяготения к советской власти. Декреты о хлебе, о земле и мире сделали свое дело. Ликвидация ненавистной войны, изгнание не менее ненавистных помещиков и буржуев показали крестьянству подлинное народное лицо новой власти в противовес лженародной маске эсеров. И в то время как эсеры в блоке с монархистами и кадетами в пустозвонных резолюциях проклинали и клеймили позором молодое Советское правительство, а интеллигентские мудрецы пророчествовали, что это правительство «не просуществует и недели», крестьяне спокойно, но решительно заявляли «признать законной властью исключительно Советы солдатских и крестьянских депутатов и Совет народных комиссаров»*).

V

ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Если бы существовавший в Тихвине Совет Рабочих и Солдатских Депутатов захотел взять в свои руки местную власть, он мог бы это сделать уже в самый момент Октябрьской революции. Мы видели, что не только этого не было, но что Тихвинский Совет, находясь под влиянием эсеров, выступил даже с протестом против Октябрьского переворота. Однако в дальнейшем все яснее сказывавшееся настроение крестьянства и возвращающихся с фронта солдат, а также влияние пролетарской части населения города (железнодорожников) заставили Тихвинский Совет понемногу исправить свою линию и выйти на настоящую Советскую дорогу.

Никаких почти данных не сохранилось о работе Тихвинского Совета от конца 1917 г. и начала (январь и февраль) 1918 г., если не считать нескольких протоколов («протоколы заседаний Тихвинского Исполнительного Ком. С. Р. и С. Д.») напечатанных на ротаторе и сшитых в большем числе одинаковых экземпляров для чего то в одну тетрадь. Из этих протоколов мы узнаем, что председателем исполнит. комитета Совета в это время был попрежнему писарь воинского начальника В. Н. Вишняков, секретарями Ванько и М. Боголюбов, членами Васильев, Голубев, Петров, Бергсон; фамилии др. членов неизвестны. Есть все основания полагать, что революционизация и советизация Тихвинского Совета совершилась в связи с переменой личного состава Исполнительного

*) Постановление Большегорского вод. земства; см. выше.

Комитета и особенно в связи с вхождением в его состав т. Васильева, ж. д. машиниста, большевика, члена возникшей к тому времени ячейки Р. К. П. (б). при ж. д. ст. Тихвин. Уже в декабре 1917 г. Тихвинский Совет начинает выполнять некоторые функции власти, напр., облагает 25% сбором спектакли и кинематографы в свою пользу, дает распоряжения милиции о передвижении арестованных (протокол 30/XII 1917 г.), командирует в уезд своих членов с милицией для прекращения анархии, напр. — «для улажения дел по разгрому усадеб Акц. О-ва, Громошинского, Билибина, Базырина и Сновалева» (протокол от 30/XII 1917 г).. В январе 1918 г. Совет вступает в связь с Новгородским и Ленинградским Советами, делегируя членов Ванько и Боголюбова в Новгород и Ленинград «за получением оружия и с просьбой о назначении комиссара в гор Тихвин» (протокол от 11 января). Из следующих протоколов видно, что Совет начинает отдавать приказы и самой земской управе (приказ о назначении Н. Я. Соловьева учителем в Тарантаевскую волость 29 января вопреки желанию земства), издает административные распоряжения (о порядке во время крестного хода 2 февраля), самовооружается (просьба к комитету 4 роты 3 зап. пех. полка выдать 30 винтовок и 300 шт. патронов для Совета), учреждает «Комиссариат Юстиции» во главе с М. С. Постниковым, берет на учет сырые кожи (протокол 20 февраля) и т. п.. Еще 14 января. кадеты аршинными буквами об'являли о торжественной панихиде в соборе «по мученикам, погибшим членам учредительного собрания А. И. Шингареве и Ф. Ф. Кокошкине», но уже к концу февраля в тоне постановлений Тихвинского Совета начинают звучать весьма властные нотки, напр., протокол от 27 февраля:

«Слушали об удостоверении, выданном А. И. Литвинову за подписью и. д. предводителя дворянства Унковского, с приложением печати и углового штампа, М. В. Д, Тихвинский уездный предводитель дворянства, 29 января 1918 г., № 3: постановили: назначить ревизионную комиссию в составе членов исполнительного комитета Васильева, Ванько и Петрова для установления настоящего документа. В случае подтверждения такового, подвергнуть аресту и препроводить в Петроград в комиссию по борьбе с контр-революцией.

А 1 марта в связи с наступлением немцев Совет расклеил след. об'явления по городу:

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Все лица, замеченные в контр-революционной агитации, а равно в распространении заведомо ложных слухов о наступлении противника и тем наводящид на граждан панику, а также в желании натравить массы на советы, будут под-

вергнуты самым строгим революционным карам вплоть до расстрела, как враги революции и народа.

Настоящее постановление входит в силу со дня опубликования такового.

Исполнительный комитет Тихвинского
Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

1-го марта 1918 г. г. Тихвин.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Исполнительный Комитет Тихвинского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сим об'являет:

1) Город Тихвин и уезд об'является на осадном положении, а посему все граждане города Тихвина в трех дневный срок обязаны сдать в Тихвинский совет все имеющееся у них огнестрельное оружие: патроны, бомбы, ручные гранаты и все взрывчатые вещества и припасы, ранее выданные удостоверения об'являются недействительными.

2) Неподчинившиеся настоящему постановлению будут подвергнуты штрафу до 5-ти тысяч рублей и, кроме того, преданы суду революционного трибунала.

3) Граждане уезда обязаны сдать согласно пункта 2-го все оружие не позднее 15 марта с. г. в уездный или местный волостные советы крестьянских депутатов. Ответственность за неисполнение сего постановления со стороны советов лежит на личной ответственности председателей волостных советов. Кроме того Волостные советы обязаны срочно сообщить уездному совету о количестве оружия и способе его распределения; в связи с организацией красной армии для охраны революционного порядка на местах.

4) Не подчинившиеся настоящему постановлению будут отвечать согласно пункта 2 сего постановления.

Исполнительный комитет Тихвинского
Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

1-го марта 1918 г. г. Тихвин, Новгородской губ.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Резолюция Новгородского Губернского С'езда Советов Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Новгородский Губернский С'езд Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов собравшись 26 февраля 1918 г. в дни великой опасности для русской Революции как извне, так и изнутри, опасности, которая грозит задушением Октябрьских завоеваний трудящегося народа, а поэтому Новгородский Губернский С'езд Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов постановил:

1) Привлечь все население г. Новгорода и всех уездов, не исключая цензового элемента от 18 до 60 летнего возраста включительно для обороны Социалистического Отечества, от нашествия германского империализма и от контр-революционных попыток внутри страны.

2) Обложить весь имущий класс налогом в пределах Новгородской губ. исходя из капитала, имущества и доходов в размере 20%.

Губернскому Исполнительному Комитету предписывается С'ездом Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов немедленно же привлечь к уплате ранее

обложенных купцов гор. Новгорода в пятьсот тысяч рублей и представить таковые к 6 час. вечера 27 февраля.

Примечание: Состояние не превышающее 5000 руб. налогу не подлежит.

3) За неподчинение настоящему постановлению виновные подвергаются наказаниям вплоть до расстрела.

4) Всем уездным и волостным Советам Новгородской губ. обложить налогом весь заготовленный лесной материал лесопромышленниками в размере 40%, за неподчинение таковому обложению конфисковать весь материал в пользу Российской Республики.

5) У помещиков и купцов подлежит конфискации весь живой и мертвый инвентарь и все технические средства для защиты Социалистического Отечества.

С'езд Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

26 (3) февраля 1918 г. г. Новгород.

Так крепло постепенно влияние и революционная роль Тихвинского Совета Раб. и Солд. Депутатов. Но пока это был только орган *городской*, и стать настоящей *уездной* революционой властью он мог только получив мандат от крестьянства уезда. Правда, в Тихвине существовал в это время эсеровский, якобы крестьянский представительный орган — совет крестьянских депутатов, но он успел основательно себя дискредитировать и никакого значения не имел. Для создания авторитетного уездного Советского органа власти решено было созвать крестьянский с'езд. На призыв к с'езду волости охотно и быстро откликнулись, выслав представителей, настроенных очень революционно и этот т. н. *крестьянский* а, в сущности, *первый Тихвинский Уездный С'езд Советов*, — открылся *5 марта 1918 г.* Эту дату и следует считать моментом образования полномочной Советской власти в Тихвинском уезде.

С'езд открыл председатель Тихвинского Совета Вишняков, в президиум были выбраны — некто Бромберг (начальник эвакуированного к этому времени в Тихвин Нарвского казначейства и член Нарвского Совета), Ф. П. Озеров, Н. Я. Соловьев, М. Боголюбов, секретарь Тихвиского Совета и А. Зряхов. Председательствовал на с'езде сначала Бромберг;*) он же сделал доклад о текущем моменте, по которому с'езд принял резолюцию: «Стать в ряды Красной Армии для защиты от хищнического нашествия, признать единственной властью, которая может и должна существовать в Р. С. Ф. С. Р. власть советов в лице Совета Народных Комиссаров, который обязываемся всемерно поддерживать, проводить намеченные им реформы и выражаем ему полное свое доверие». Весьма

*) Обнаружившееся крайнее революционное настроение большинства С'езда отпугнуло Бромберга, — он отказался от председательствования па с'езде яко-бы по болезни и после этого председателем с'езда был Н. Я. Соловьев.

горячие споры и критику вызвали доклады членов Испол. Ком. Тихвинского Совета; по этим докладам было предложено 8 проэктов резолюций, из которых принята была следующая:

«С'езд крестьян Тихвинского уезда, созванный по почину И. К. Совета Р. и С. Деп. заслушав доклад о деятельности Совета и ознакомившись с той трудной задачей по организации и созданию Советов на местах, благодаря печальному наследству оставшемуся ему от предыдущего И. К. Совета постановил: 1) Принимая во внимание те условия, в которых Совету пришлось работать, признать все действия Совета и его И. К. правильными и соответствующими интересам демократии. 2) Благодарить И. К. за его труды и выразив ему свое полное доверие. 3) Признать вполне справедливым призыв И. К. Совета и соответствующим моменту образовать об'единенный Совет Крестьянских, Рабочих и Солд. Депутатов на началах пропорционального справедливого представительства на платформе „вся власть советам" и вменяется ему в обязанность немедленно приступить к организации Штаба Красной Армии. 4) Поддержать его ходатайство пред Центральной Властью об ассигновании средств. 5) Отныне признать Тихвинский Совет Кр. Раб. и Солд. Депутатов единственной и верховной властью в г. Тихвине и уезде. 6) Борьбу с контр-революцией и врагами Советской власти поручить обновленному Совету вести самую беспощадную.

Этими двумя резолюциями вносилась полная ясность в дело. Свободно избранный «с'езд крестьян Тихвинского уезда» без всякого участия большевиков (неизвестно участвовал ли на с'езде указанный выше большевик Васильев, да если и участвовал, что он мог тогда один сделать, какое мог оказать давление!) совершенно свободно выражал волю крестьянского большинства уезда: „*Признать совет народных комиссаров, считать единственною властью в уезде Совет.*"

По земельному вопросу с'езд постановил: «Исполнительному комитету совета приступить к проведению в жизнь всех декретов С. Н. К.» Много говорили на с'езде о продовольствии, но об этом после. Слушали и некоторые доклады с мест, — напр. — представителей Новинской волости о кражах и терроре со стороны бандитов Донова и Тарасова. Наконец были произведены выборы в состав нового (первого уездного) исполнительного комитета. Выбирали не пленумом, а от волостей, но общий список утверждался пленумом; избраны были: от Сугоровской вол. — В. С. Ершов, от Тарантаевской — М. Румянцев, от Анисимовской — П. Ф. Озеров, от Большедворской — В. В. Мызовский. от Жуковской — М. Федоров, от Красноборской — Т. Г. Пивников, от Борисовщинской — П. Ф. Исаков, от Кузьминской — П. Кузьмин, от Заборовской — Пушков, от Куневической — Брячковский, от Новинской — П. П. Сенаткин, от Саньковской — Парфенов, от Недашецкой — И. В. Окунев, от

Васильковской — И. И. Кольцов, от Деревской — М. Максимов, от Большегорской — Вихров, от Усадьевской — Соколов.

От волостей — Лукинской, Пелдушской, Костринской и Звонецкой члены в И. К. должны были войти по выборам на волостных с'ездах, т. к. на данном с'езде не было представителей от этих волостей. Кроме того, в новый исполком имелось ввиду ввести представителей от города особо.

VI.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

С'езд раз'ехался, поручив своим избранникам, — первому Уисполкому, — нелегкую задачу: в условиях почти полного развала и анархии, перед лицом надвигавшегося голода, при отсутствии всякого аппарата управления и множестве самых различных затруднений создать настоящую революционную власть и «провести на деле реформы С. Н. К.», т. е. иными словами выполнить в уезде грандиозную работу социальной революции.

Нужно было укротить анархию, подавить враждебные элементы, заставить работать сопротивляющихся, повести борьбу с голодом, начать подготовку к гражданской войне, провести земельную реформу и т. д., и т. п.. Был ли способен первый Тихвинский Уисполком это множество труднейших задач разрешить, мог ли он со своим историческим делом справиться?

Здесь хочется высказать ряд мыслей невольно приходящих в голову после ознакомления с подробностями советизации глухих углов нашей страны. Октябрьская революция началась в Питере и в крупных промышленных центрах; там разыгрывались первые сражения, там велась передовая борьба, там действовал организованный пролетариат с его авангардом Р. К. П. (б). во главе. Продолжалась же и развертывалась революция по всей нашей крестьянской стране стихийно, не дожидаясь партийных агитаторов и организаторов. Возникали всюду и везде ревкомы, исполкомы, советы, чрезвычкомы, — не из членов партии и не всегда из рабочих, а чаще из крестьян, обычно из солдат — фронтовиков, прошедших свою политическую школу в окопах на войне. Образованием и даже просто политической грамотностью такие товарищи не могли похвастать; многие из них были вообще неграмотны и, я думаю,

найдутся в архиве революции документы таких исполкомов и ревкомов, где вместо подписи председателя стоит крестик или крючок. Но вот что было их главным и неоспоримым достоинством, бывшим в тот момент важнее всякого самого высшего образования: революционный классовый инстинкт, несокрушимая ненависть к буржуазии и помещикам за все, а за войну особенно, готовность к самым решительным действиям, крепкая, а не интеллигентски — расслабленная воля, бесстрашие и вера в будуще. Такие товарищи, правда, вовсе не разбирались тогда в тонкостях марксизма и партийной программы, но за революцию шли на все,—рвали с привычным укладом жизни в крестьянской семье, с большим, особенно вначале, риском создавали первые советы, проводили с огромной энергией часто весьма опасную работу разрушения и подавления, изгоняли буржуазию, массами входили в первые красноармейские отряды, в отряды продовольственные, заградительные и т. п., а в дальнейшем несли всю прочую черновую, часто очень суровую и тяжелую, работу революции на местах. Это они выкорчевали до конца, до последнего корешка надломленное революцией гнилое дерево царизма, это они, опираясь на активно настроенные крестьянские массы построили затем в несколько месяцев по уездам и волостям низовой Советский государственный аппарат, пусть топорный вначале, пусть неуклюжий и громоздкий, однакоже вполне оправдавший себя в революции, вспомним хотя бы строительство красной армии, продразверстку, борьбу с контр-революцией. Товарищи, о которых идет речь, не были тогда (в 1917—18 г.) еще коммунистами—большевиками формально, но они были ими на деле, по инстинкту выполняя революционные предначертания Р. К. П.. Они выделились стихийно в процессе естественного революционного отбора из актива, из передовой части крестьянства. Их можно было бы назвать коммунистами без парт. билетов, хотя нужно сказать, что большинство из них позднее и формально вступили в партию. В них и через них выявлялась в революции (особенно на первых порах) ее крестьянская сторона, выражалась революционная смычка пролетариата с крестьянством.

Такие товарищи, такие коммунисты без билетов и проделали в Тихвине всю революционную советскую работу и разрушительную и созидательную. Они и составили основное ядро, руководящую часть первого состава Уисполкома и ближайших следующих. Правда, кроме них в Уисполком и вообще в главные советские учреждения уезда нередко проникал элемент и другого сорта,—аферисты,

никчемные болтуны, разные ненадежные попутчики, но этот элемент или же быстро разоблачался и был изгоняем, или же влияния на ход дела почти не имел и сидел молча на подходящих теплых местах. Подлинно революционное ядро Уисполкома, образовавшееся уже на первом с'езде советов, укрепившееся и оформившееся на ближайших следующих — сыграло главную роль в советизации Тихвинского уезда. Принадлежащими к этому ядру из первого состава Уисполкома можно назвать следующих товарищей (все крестьяне): Соловьев Н. Я. (учитель из крестьян), Кольцов И. И., Ермолов З. М., Пивников Т. Г., Исаков П. Ф., Румянцев М. И.. Позднее (в течении 1918 года) к ним присоединились еще: Захаров Н. И. (парикмахер), Иванов (крестьянин) и др. Важную роль играл железнодорожник — Васильев. Я называю самых активных товарищей, с именами которых, несомненно, связана была советская и общественная работа в Тихвине в 1918—1920 г.г.; разумеется к ним примыкали и другие, м. б. не менее ценные работники, но менее тогда заметные. Надо добавить, что довольно скоро нашлись и интеллигенты, примкнувшие к работникам советского ядра из крестьян, например упомянутые: Бромберг, Посников, затем позднее Э. Ф. Дамберг (лесничий), И .Б. Микенас (военный чиновник), Попов А. И. (из учителей), еще позднее Некрасов Н. Н. (машинист), Федоров С. В. (техник), Кириллов М. В. (учитель) и др.. Очень характерно, что все товарищи из первой группы (крестьянской) за исключением погибших во время революции (напр. Ермолова, Иванова) в данный момент (1925 г.) члены партии, из второй (интеллигентской) все побывали в партии, но сейчас в партии уже не состоят за небольшим исключением (Микенас, Некрасов).

Возвращаюсь к прерванной нити хронологического изложения. Итак, значит, первый Уисполком, образованный первым Тихвинским с'ездом советов воплощал в себе революционную энергию активной части крестьянства и потому с революционными своими задачами в конце концов должен был справиться. Однако трудности были не малые. «Собрались мы все вместе после с'езда на первое заседание», — рассказывал мне один из членов первого Уисполкома, будущий видный работник в Тихвине, — «и не знаем, что делать, с чего начать, к чему приступить. Хорошо грамотных среди нас было мало, а таких, чтобы во всем могли как следует разобраться и вовсе не было. Стали выбирать президиум. Оказался с нами один учитель Н. Я. Соловьев. Ну, думаем, если он учитель, значит, что нибудь все таки знает, ну и пусть будет председателем. Его и выбрали.

Потом решили, какие отделы организовать и кому быть в этих отделах.» Действительно, на первом заседании Исполкома был избран президиум (предс.—Н. Я. Соловьев, тов. предс.—В. И. Вишняков, секретари—Боголюбов и Кузьмин) и назначены: в хозяйственный отдел Хрусталев, Васильев, Ермолов, Брячковский, Исаков и Пушков, в продовольственный—Озеров, Сироткин, Вишняков, Вихров, в земельный—Пивников, Соловьев, Окунев, в военный—Ванько и Максимов, в финансовый—Мызовский, в почтово-телеграфный—Кольцов, в отд. нар. обр.—Кузьмин, во временный отдел по организации судов—Соловьев, Ермолов, Румянцев (протокол засед. Исполнит. Ком. от 8 марта 1918 г.). Все эти отделы нужно было еще организовать, а пока все попрежнему существовала Земская управа со своими отделами и ее опора-уездная и городская милиция, не особенно расположенные к советской власти. Члены исполкома в самом деле серьезно опасались враждебных действий против них со стороны этой милиции; боялись не только арестов, но и прямо допускали возможность, что милиционеры ночью перережут исполкомцев. В связи с этим в том же протоколе читаем: «приступить к расформированию уездной и городской милиции и начать формирование красной армии».

Что касается земства, то не стоило большого труда его ликвидировать; к этому моменту оно само по себе дышало на ладон. 4 Марта, почти одновременно с крестьянским с'ездом, открылось экстренное уездное земское собрание, которое можно назвать последним. На этом собрании «по вопросу об управлении уездом постановлено: дела по комиссариату передать в Совет Р. С. и К. Депутатов». Это был отказ от борьбы, основанный на сознании полного своего бессилия. Не претендуя более на власть, земство хотело сохранить свои хозяйственные функции и наивно предполагало остаться при рабоче-крестьянской власти тем, чем оно было при царском правительстве. На советский с'езд 5 марта земское собрание даже послало для отстаивания своих интересов двух представителей И. К. Кириллова и С. Г. Тихомирова (эсеров) «ввиду тесной связи демократического земства с крестьянским населением, как избранного им для служения его интересам и нуждам». Но, не говоря уже о том, что советская система (диктатура) исключала возможность существования самостоятельных независимых от Советов органов общественного хозяйства, земство все равно умирало по причинам финансовым. Крестьяне прекратили всякие платежи по земским налогам и уездная управа печально

докладывала собранию 4 марта: «при настоящих условиях нельзя расчитывать на поступление земского сбора и ведение земского хозяйства становится невозможным. В силу этого управа вынуждена предложить собранию обсудить вопрос о частичной ликвидации земского хозяйства... Докладывая о сем имеем честь предложить собранию»... далее следует проэктируемое сокращение земских мероприятий. Между прочим управа предлагала: «поставить в известность всех лиц, служащих в земстве, что земство лишено возможности оплачивать их труд в полном размере. Лица, желающие продолжать земскую службу могут получать только часть своего жалованья в зависимости от поступлений». Собрание, понятно, согласилось с управой во всем, — факты, ведь, упрямая вещь, а в конце концов приняло такое постановление: «оповестить население, что уездное земство вынуждено приступить к прекращению своей деятельности только потому, что население не желает уплачивать земского сбора».

Не «только потому» прекращало земство свою деятельность, но и потому также, что рядом с ним возник Уезд. Исп. Ком. Советов Р. С. и К. Д. «В одну телегу впречь не можно коня и трепетную лань». Исполком, понятно, не ограничился приемкой дел от земства «по комиссариату»; он разогнал самое земство за ненадобностью. Случилось это таким образом: между 10 и 15 марта*) исполкомцы явились в земскую управу и об'явили оную распущенной, предложив желающим служащим остаться на своих местах. Члены управы для виду посопротивлялись и составили акт, в котором заявляли, что подчиняются только насилию (самый акт утрачен).

Наряду с земством была разогнана продовольственная управа и др. второстепенные учреждения. Часть служащих подчинилась новой власти и понемногу, по мере надобности стали возникать советские отделы под разнообразными наименованиями, иногда очень громкими, напр. — отдел борьбы труда с капиталом, (отделение Новгородского отдела), совет народного хозяйства и др.. Кроме этих двух и указанных выше, в марте — июне образовались: уездвоенкомат, народный трибунал, отдел борьбы с контр-революцией и спекуляцией. Во главе отделов стояли члены исполкома, в служащих ощущался крайний недостаток, т. к. шла полоса саботажа и какая нибудь барышня машинистка, поступая на службу «к большевикам» переживала душевное потрясение не меньшее,

*) Точнее не знаю когда.

чем в самый критический момент своей жизни. Среди «порядочной» публики в это время считалось лучшим тоном обливать презрением и игнорировать большевиков, как захватчиков, грабителей и убийц»; людей же, выразивших готовность работать для советской власти обязательно именовали продавшимися, бесчестными негодяями, предателями и т. п.. Члены исполкома, чувствуя себя во враждебном окружении обывательского Тихвина, держались сплоченно, жили в общежитии*), имели достаточный запас оружия и вообще были готовы ко всему. Заседания исполкома происходили каждый день. Уже с 10 марта появляется в Тихвине отряд красной армии, долгое время недостаточно надежный.

В дальнейшем разрушительная работа нового совета стала переплетаться с созидательной. Начали решительно борьбу с анархией. Волостные земства всюду были переорганизованы в волсоветы. Самочинный разгром усадеб был воспрещен и для проведения земельной реформы, которая могла внести успокоение в крестьянство, 23 апреля собран был специальный земельный с'езд; на нем обсуждалась в подробностях не только земельная реформа, но намечались и различные агри-культурные мероприятия. На этом с'езде, между прочим, выяснилось «стремление большинства населения переехать на хутора»; оказалось также, что «рубка леса во всех волостях происходит в значительном количестве без разрешений» и, что «в некоторых волостях производится уравнительное распределение земель и трудового типа»**) С'езд выработал нормы наделения землею и определил порядок разрешения земельных вопросов, установив ближайшей к населению инстанцией по этим делам — волземотделы.

По народному образованию уполномочен был член И. К. — П. Кузьмин, человек очень нервный и впечатлительный. Деятельность его не дала результатов. Он разослал по школам анкеты с бланками заявлений, начинающихся такими словами: «Сим заявляю, что я желаю служить в обновленной школе в качестве (кого?)»... Учителя должны были по таким формам выявить свое отношение к советской власти. Это отношение в общем было недоброжелательным, но активных протестов и выступлений учителей не было. В уезде в это время существовал т. н. «учительский союз» — организация с сильной эсеровской окраской, но в силу своей интел-

*) В доме Никоновой на Советской улице; в этом же доме помещался тогда и Исполком.

**) Наш край, 1918 г. № 6.

лигентной природы, к активным действиям неспособная. В мае был в Тихвине с'езд этого союза; на с'езде выступали исполкомцы (Кузьмин и Соловьев), но наиболее крупную роль играл С. С. Закусев (директор реального училища), выступивший с энергичной пропагандой трудовой школы и против учит. союза. Больше всего с'езд занимался материальным положением учителей, — разработал тариф, пенсионные ставки, надбавки, квартирные и пр. — и, что очень любопытно, «единогласно признал необходимость забастовки в случае неудовлетворения требований в повышении жалованья»*). Несомненно, в этот момент учительство стояло еще очень далеко в стороне от задач рабоче-крестьянской революции.

Если новый исполком еще не мог как следует, естественно, приняться за школьное образование, — то в области того, что сейчас называется полит. просвет. работой, сделано было сразу-же довольно много. Проведены были празднования: годовщины — февральской революции 12 марта и 1 мая — с украшением зданий, процессиями, выступлениями ораторов и пр.. Часто устраивались митинги и собрания, на которых пропагандировались советские идеи и защищались советские мероприятия. Говорили тогда ораторы еще очень плохо, да и не всегда отдавали сами себе отчет, что и как следует сказать. Бывали и курьезы, напр. один товарищ из интеллигентов, будущий видный сов. и парт. работник уезда 1. мая на площади с трибуны сказал следующую речь:

„Товарищи. Праздник 1-го мая установлен в 1889 году в Париже на конгресе социалистов всех стран. В этот день пролетарии всех стран должны показать свою солидарность на приближение социализма, на борьбу с поработителями труда и об установлении 8 часового рабочего дня. Товарищи! 1 го мая это праздник всех труждающихся и обремененных всех стран. Вспомните нашего Великого Учителя! Он сам обратился к народу и сказал. „Придите ко мне все труждающии и обремененнии и аз упокою вы; возмите иго мое на себя и научитеся от него: Яко аз кроток есть и смирен. Иго бо мое благо и слово мое легко есть.“ Ныне и присно, весь народ, называющий себя христианами пошел на призыв христа, но иго его взять народу не позволили руководители его: ибо они знали, что если народ возмет иго христово, то ему такие руководители, как Николай Кровавый, Григорий Распутин и пр. лжеучители не нужны. Право на иго Христово они лжеучители присвоили себе, а народ, руководимый ими, поставили под свое иго под иго дьявола, основанное не на любви к ближнему, а на том, что-бы мы брат брата ненавидели и душили, а руководители всегда имеют, от этого известную выгоду. Товарищи! теперь, когда цепи работва разорваны, иго дьявольское разрушается революцией, нас лучшие люди призывают взять иго Христово на себя и научиться от него посредством социализма и коммунизма.“

*) Наш край, 1918 г. № 6.

Товарищи из крестьян в своих выступлениях, правда, поповской фразеологией не страдали, но говорить умели только с крестьянами и на больших городских собраниях говорили плохо. Главными ораторами в это время в Тихвине были Н. Я. Соловьев, Э. Ф. Дамберг. Иногда приезжали агитаторы из Ленинграда. Для постоянной связи с населением Уисполком начал с 1 мая издавать газету «Наш Край» (два номера в неделю) — и это было большое дело, до которого никогда не могли дорости земцы — культурники за все 50 лет их работы. Потребность в местной газете существовала давно; теперь с революцией она обострилась до крайности. К изданию были привлечены местные силы (Э. Ф. Дамберг, И. П. Мордвинов, позднее М. В. Кириллов и я), средства нашлись, газета организовалась не плохо. Идеологической выдержанности в ней конечно не было, особенно вначале; печатались нередко речи и статьи на подобие приведенной выше первомайской, пускались в соответствующих обзорах замечания вроде такого «из танцующих выделялась грацией Мария Белозерова» (№ 46) и делались напр., следующие сообщения.

„Детский крестный ход. В воскресенье 21 июля был устроен крестный ход детей вокруг монастыря. В 5 час. вечера пришел к собору крестный ход от Знаменской церкви и здесь, соединившись с соборным, пошел к монастырю. У монастырских ворот к нему присоединился крестный ход от Введенского монастыря и все прошли в монастырь, к церкви „на крылечке“. Здесь одним из священников было сказанно поучение детям, после был отслужен молебен. После молебна крестный ход обошел монастырь. Прекрасная погода собрала очень много и детей и взрослых. У большинства детей были зелень и цветы, Иконы тоже были украшены цветами“.

Но в целом обывательщины было все же мало, а с 1919 г. она и вовсе исчезает из газеты, зато местная информация совершенно и до подробностей, надо сказать, тогда откровенная, знакомила население с деятельностью советской власти. Большое значение имели также статьи краеведческого характера. А с 1919 г. газета выполняла роль набатного колокола, бросая призывные лозунги в массы соответственно этапам в развитии революции. Очень важно, что газета, отражая жизнь уезда во время революции, служит теперь хорошим историческим источником. Просуществовал «Наш Край»*) до 7 ноября 1922 г. и погиб под ударами НЭПА.

Организация советского аппарата продолжала налаживаться. 27 марта был сформирован на новых началах и в новом составе

---

*) Переименованный 7 ноября 1920 г. в „Красное Знамя“.

Горсовет (председатель — Э. Ф. Дамберг, члены: — А. И. Саньков, К. П. Зверев, И. П. Дубровский, В. М. Богословский, Н. И. Сараев, И. П. Крупнов),—впрочем мертворожденный и совершенно себя не оправдавший.

В начале мая случилось важное для Тихвинского уезда событие— образование Череповецкой губернии из 5 северных уездов (в том числе и Тихвинского) Новгородской губ., Новая губерния была образована наспех, в революционной горячке, без предварительной разработки вопроса и без научно-экономических оснований, простым поднятием рук на особом по этому поводу совещании малокомпетентных представителей выделявшихся уездов в Новгороде 13 мая. В этом совещании участвовали 19 представителей от Тихвина: имена их, за исключ. Д. А. Апрелева,—неизвестны. Включение Тихвинского уезда в состав Череповецк. губ. было крупной ошибкой, т. к. с Череповцем никаких естественных экономических связей у Тихвина никогда не было; Тихвинский уезд экономически абсолютно тяготеет к Ленинграду. 5 июня уже состоялся Череповецкий Губ. С'езд Советов.

С 30 мая по 1 июня заседал в Тихвине второй с'езд Советов; на нем присутствовали 102 делегата. С'езд затронул все стороны советского строительства. Исполком почти весь был переизбран вновь — во второй состав Исполкома вошли: Соловьев Н. Я, Пивников Т. Г., Мызовский В. В., Кольцов И. И., Парфенов, Румянцев М., Захаров Н. И., Кузьмин, Бречковский. Румянцев М. И., Сенаткин П. П., Максимов М., Окунев, Ермолов, Исаков П. Ф., Иванов, Чугунов, Озеров, Микенас И. Б., Ершов.

VII.

ТРУДНОСТИ И НЕУДАЧИ.

Главная трудность была, конечно, продовольственная. Голод усиливался с невероятной, неслыханной быстротой, потому, что подвоз продуктов прекратился вовсе. Из фактов и документов приведенных выше, можно было видеть, что голод в Тихвинском уезде начал в сущности развиваться примерно с середины войны (1915 г.), выразившись вначале в «отсутствии табаку махорки» и «в недостатке сахару»*)

*) См. стр. 7.

Затем эти «отсутствие и недостаток» понемногу стали захватывать другие, более важные виды продуктов; поднимались цены, стали исчезать необходимые привычные для населения товары: — крупы, постное масло, мануфактура. Развилось мешечничество. Проходящие поезда были переполнены спекулянтами. Наконец недостаток коснулся и хлеба. Земство боролось с голодом, но неудачно*). Первый уездный с'езд Советов 5 марта 1918 г. очень много занимался продовольственными делами и постановил: «признать положение угрожающим и в целях предотвращения могующих возникнуть на почве голода эксцессов и голодных бунтов принять самые энергичные и срочные меры к урегулированию вопроса о снабжении продовольствием всех волостей уезда». С'езд поручил Исполкому распустить продов. управу и создать продовольственный отдел с правом «реквизиции и конфискации пищевых и иных продуктов потребления.» Вменялось в обязанность продов. отделу «создать кадр агентов—ходаков для направления в губернии снабжения запасами продуктов для закупки таковых,» «создать транспортную контрольную комиссию для проверки и учета проходивших через Тихвин и ближайшие ж. д. станции поезда с продовольствием для беспощадной борьбы со спекулянтами и мешечниками», «следить за мародерами и спекулянтами». С'езд поручал исполкому взять на учет все продовольствие и издать с этою целью обязательное постановление с тем, чтобы «в 48 часов с момента опубликования, все граждане представили добровольно сведения об имеющихся у них запасах.» Разумеется, ни предотвратить, ни даже смягчить надвигающееся бедствие эти постановления с'езда — не могли. Тихвинский уезд ввозил до войны около 1 миллиона пудов продовольственных грузов, теперь подвоза не было вовсе, старые запасы исчезали, мешечники обслуживали только зажиточные верхушки, масса же населения, крестьяне, обречена была на голод. Пошли в ход суррогаты: — опилки, кора, солома, мякина, мох.**) Запасы, если они были, прятались в укромные уголки, а иногда даже зарывались в землю. Проходившие из Сибири поезда с продовольствием часто подвергались нападениям голодных толп, но эти нападения обычно ни к чему не приводили; на поездах были винтовки и пулеметы, а в патронах в то время недостатка не было. Были случаи форменных сражений крестьян с продов. поездами. Черепо-

*) См. стр 37.

**) В Тихвинском музее хранится коллекция таких суррогатов, служивших в те годы пищей населению.

вецкий Губ. С'езд Советов обсуждал одно подобное дело бывшее, в мае на ст. Тешемля. В мае же на ст. Тихвин правильной осаде подвергся финский прод. поезд. Этот поезд был снаряжен голодающими финскими рабочими с согласия правительства Р.С.Ф.С.Р. для вывоза хлеба из Сибири в Финляндию и возвращался уже обратно. В Тихвине его задержала толпа, преимущественно железнодорожники,—как, мол, смеют давать вывозить хлеб в Финляндию, когда мы сами голодаем! Финны выставили свои пулеметы и приготовились к обороне не на жизнь, а на смерть,—еще-бы, ведь этот хлеб должен был спасти от голодной смерти тысячи рабочих семей, неужели отдать его в сотне с небольшим километров от родных мест! Зрелище было замечательное; новенький, столь необычно блещущий свежими красками и раздражающий русский взгляд чистотой финский поезд, с блестящими же пулеметами на площадках вагонов и тендере паровоза, спокойные, со стиснутыми зубами финны в кепках, с новыми винтовками,—а кругом взбудораженная толпа и крики: «чего на них смотреть... Разбирай рельсы... Отцепляй вагоны, выгружай хлеб!» Пулеметам все же пришлось помолчать. Боя не было; дело кончилось мирными переговорами и финны, уплатив контрибуцию в размере одного, кажется, вагона хлеба в пользу ж. д. потребительной лавки, купили право на продвижение дальше. Тихвинский Исполком как будто пытался вмешаться в пользу финнов (а у тех были документы от Центральной власти), но сделать ничего не мог.

Начиналось переселение отдельных голодающих крестьянских семейств в хлебородные губернии, которое приняло особенно интенсивный характер с конца 1918 г.. Большинство не отваживалось на такой решительный шаг и предпочитало просто с'ездить за хлебом. Эта «езда за хлебом» стала повальным массовым явлением, а лучше сказать — бедствием. Каждый стремился с'ездить в Вятку или еще дальше, — в Пермь, свезти что нибудь на промен тамошним крестьянам и вернуться домой с 1—2 пудами хлеба. Ездили все, кто был только в силах — без различия класса, возраста, пола и профессии. Везли с собой мануфактуру, домашние вещи, золото, серебро, царские бумажные деньги и керенки, нередко последнюю приличную одежду. Променивали за безценок, подвергались риску на каждой станции потерять драгоценный хлеб, ибо заградительные отряды уже действовали, испытывали, невероятные лишения во время езды, рисковали поймать любую заразу, и все таки ехали, и все таки везли... Гнал страх голодной смерти и непередаваемый

ужас голодания в семьях, где есть дети... Поезда не только были переполнены. поезда были набиты, облеплены и обвешаны людьми. На станциях валялись кучи из человеческих тел, — ожидали поезда... Когда поезд появлялся, — его брали штурмом, лезли на площадки, на буфера, на крышу. Много, конечно, было несчастных случаев,— я сам (тоже «ездил за хлебом»!) был свидетелем, как одному едущему на крыше раздробило череп железными стропилами моста. Жуткое было время. Уисполком что мог, делал, но что тут мог сделать один Уисполком? Продовольст. отдел или комиссариат организовался, вся работа его была впереди, — после нового урожая, а теперь приходилось или заниматься отцепкой вагонов, когда это удавалось, или реквизициями; и то, и другое давало немного. Организовали и послали, договорившись с железнодорожниками, поезд за хлебом в Сибирь. Бомбардировали центральные органы до Совнаркома включительно телеграммами. Созывали прод. с'езды и прод. совещания. Рассылали закупщиков. Наиболее реальным было предложение населению «самому приступить к активной борьбе с голодом, вызванной мировой войной, двумя способами — первый, расширить посевную площадь, использовать для этого лесные вырубки путем выжигания их, — и второй, — усиленное разведение огородных овощей, особенно корнеплодов» (постанов. II уезд. с'езда по прод. вопросу). Борьба с голодом в уезде пошла, действительно, главным образом этими двумя путями; через год — два запашка увеличилась, появилось множество новых огородов, избыточное население или повымерло или переселилось и уезд приспособился к новым экономическим условиям. Но весь этот процесс приспособления был крайне мучителен, население волновалось и беспокоилось, для антисоветской агитации голод создавал подходящую почву и этим пользовались враждебные революции элементы. Ведь так легко было свалить вину за голод на советскую власть.

С развитием голодного бедствия в уезде были довольно частые случаи восстаний и беспорядков, не то чтобы прямо против Советской власти под четкими политическими лозунгами, а так, для выхода недовольства, больше для шума и ругани, чем для дела. Первое такое восстание случилось в Тихвине 12 мая. В этот день открылось продовольственное совещание, собранное из представителей от волостей Уисполкомом. У здания б. Земской Управы, где заседало это совещание, собралась толпа, в которой преобладали крестьяне соседних волостей, преимущественно наиболее в то время голодающих — Сугоровской и Костринской. Представители этих

волостей стали требовать от совещания, чтобы волости наделили хлебом вне очереди и чтобы разрешили отцепку нескольких вагонов с продгрузом в пользу голодающих волостей. Совещание постановило: «1) никакого внеочередного пайка собравшимся гражданам не выдавать и 2) самостоятельной отцепки не разрешать». Когда об этом стало известно толпе, — начались крики, шум, брань; нашлись агитаторы, напр., некие Борисов и Петров, и под их руководством толпа ворвалась в здание, разогнала совещание, а председателя исполкома Н. Я. Соловьева, при его попытках воздействовать на толпу, — схватила и потащила к мосту топить в реке. По дороге, однако, топить раздумали и решили лучше посадить в тюрьму. Так и сделали. Протащили т. Соловьева через весь город на площадь, насильно заставили перепуганную стражу раскрыть городскую тюрьму, выпустили оттуда купца-лесопромышленника Воложбенского и городск. голову И. В. Воскресенского при криках — «зачем хороших людей в тюрьме держать, они нас кормили, давали работу, давали хлеб», — а на их место посадили т. Соловьева. Пока все это происходило, — всему городу стало известно что будто бы «большевиков бьют». Собралась очень большая толпа, которая вела себя весьма пассивно и только ротозействовала. Исполком не растерялся. Член Уисполкома И. И. Кольцов вступил по прямому проводу в переговоры со Смольным и запросил оттуда вооруженную помощь, т. к. толпа легко могла разгромить склад с оружием (несколько тысяч винтовок) бывший в Тихвине и движение могло принять не шуточный оборот. Но с затруднениями справились в конце концов своими силами. Нескольких холостых выстрелов и демонстративного шествия красноармейцев по главным улицам было достаточно, чтобы от толпы не осталось и следа. Н. Я. Соловьев был выпущен, не просидев и часа в тюрьме. Тихвин был об'явлен на военном положении. Уже сформировавшийся к этому времени отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (в составе т. т. Румянцева, Парфенова, Тихонова и Егорова) произвел кое какие аресты, было расклеено об'явление о воспрещении сборищ и скоплений и Тихвин успокоился.

Кроме продовольственных были, конечно, и другие затруднения, хотя вначале и не столь важные. Недостаток в деньгах был устранен аннулированием всяких смет и использованием наличного запаса денег в казначействе на советские надобности. Кроме этого,

был установлен чрезвычайный революционный налог на богатых граждан, получивший название «контрибуции»; в деревнях этот налог пал на кулаков, а в городе на буржуазию.

Немало мешали новой власти примазавшиеся к ней темные личности — ловкие дельцы, шкурники и негодяи. Время было горячее, в людях еще не умели разбираться и охотно принимали в свои ряды каждого, кто заявлял, что хочет и может работать. Находились такие, которые шли в революцию, стремясь использовать ее в личных интересах. Часть из них довольно скоро разоблачалась, часть-же, действуя более тонко, долго и много вредила советской власти, дискредитируя ее. В мае был изобличен, но успел скрыться, некий Богданов, — член комиссии по борьбе с к.-р. и спекуляцией. Этот Богданов, производя обыски и аресты по ордерам комиссии, присваивал себе под видом реквизиции ценные вещи, занимался шантажем и свою деятельность в Тихвине закончил тем, что присвоив бриллианты, отобранные от богатого купца-еврея Меерович, — бежал. Бромберг, председательствовавший на первом с'езде Советов, — 5 июня был судим трибуналом за подложное получение спирта и получил общественное порицание. Вскоре после этого Бромберг вовсе исчез с Тихвинского горизонта, также, как и Постников. Несколько позднее был изгнан из советских рядов Пунгарев за пьянство и дискредитирующее поведение, Парфенов за какие то корыстные проделки. Запятнал себя грязью и первый председатель Тихвинского Совета В. П. Вишняков, — он уехал в июле в Ленинград по служебным делам и занялся там спекуляцией на советские деньги (скупкой и продажей, кажется, овса). Для розыска и ареста его был послан председатель Тихвинского отдела борьбы с контр-рев. и спек. Григорьев, но он сам вступил в связь с Вишняковым, получив от него взятку. Оба были разоблачены Кольцовым, изгнаны из Уисполкома и преданы суду. Более мелких аналогичных случаев был целый ряд. Иногда, пользуясь невежеством обывательской массы, в Советы проникали социально чуждые элементы массами, напр., — июньские выборы в Горсовет кончились избранием почти всего состава горсовета из буржуазного класса. Членами совета оказались самые крупные буржуи города — Н. К. Меерович, Н. А. Чурин. И. В. Воскресенский, В. И. Пагольский и др.. Уисполком, понятно, выборы отменил, но и новые выборы не дали в Советском смысле положительных результатов.

VIII

БОРЬБА С ЭСЕРАМИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ УЕЗДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. К. П. (б).

Антисоветские партии долго открыто себя не проявляли, если не считать пассивного сопротивления, саботажа, выражений протеста и, несомненно, агитации. Кадетская группа, кажется, вовсе распалась в начале 1918 г.. Во всяком случае сведений о ее деятельности с этого времени никаких не сохранилось. Отдельные члены группы остались жить в Тихвине на виду у всех и политическую работу безнаказанно вести не могли-бы. Эсеры после октября разбились на два течения — левых и правых. Левые (их было в Тихвине немного) работали с Советской властью; были из них и члены Уисполкома, напр. Уездвоенком Максимов. Правые эсеры к началу 1918 г. как-то стушевались в Тихвине. Неизвестно, когда в точности прекратило свою деятельность «похоронное бюро». Эсеры мартовские большей частью порвали с эсеровской группой связь, коль скоро поняли ошибочность и невыгодность ставки на эсеров. Эсеры видные и настоящие поразъехались из Тихвина (напр. Н. Н. Соколов). Деятельность местной эсеровской организации сходила, повидимому, на нет и если-бы дело заключалось только в ней одной, никакой борьбы не потребовалось-бы для окончательного исживания эсеровщины в Тихвинском уезде. Но в то время, после разгона учредилки, после Брестского мира — партия эсеров в целом, с ее сильной центральной организацией, с Савинковым, с учредиловцами, только еще начинала смертельную борьбу с Советской Республикой путем заговоров, восстаний, провокации, гражданской войны. В этой борьбе эсеры старались использовать всякие возможности и действовали из центра даже через самые слабые свои местные организации, присылая подпольных работников — агитаторов, дезорганизаторов. Антисоветская работа в Тихвине, несомненно, входила в план центральной организации эсеров и по всем данным сам Савинков имел некоторые стратегические расчеты на Тихвин в связи с Ярославским и Рыбинским восстанием. Повидимому предполагалось устроить восстание и в Тихвине (как и в ряде других пунктов по Сев. ж. д.) с целью отрезать таким путем Ленинград от восточной части России, где в то время уже орудовали чехо-словаки. Как-бы там ни было, Тихвинскому Исполкому пришлось выдержать серьезную борьбу с эсеровщиной и предполагавшееся восстание предотвратить.

С середины мая началась в Тихвине незаметная, но очень сильная агитация против Советов. Агитаторами были и местные эсеры (напр. Никонов, Чистяков и др.), и приезжие; среди последних бывали и видные эсеры, напр. некий приват — доцент Шаскольский, читавший в Тихвине «лекции» и предлагавший резолюции о признании Сибирского правительства. Эсеровские агитаторы ездили на одном коньке, — на продовольственном вопросе, спекулируя на прогресирующем голодании населения. Лозунги были: «долой Советы», « да здравствует учредительное собрание». Наибольшую работу эсеры развернули среди железнодорожников. В мае на ж. д. станции будто-бы из Архангельска появился в качестве слесаря депо некий Шундриков — несомненный агент эсеров. Слесарем он был всего несколько дней, а затем перешел на «культпросвет. работу.» Неизменный оратор на всех рабочих собраниях, он умел действовать на массы, пользуясь крайне демогическими приемами; в то время не обходилось ни одно собранне без вопросов о продовольствии и Шундриков всегда сводил эти вопросы на политику, обвиняя во всем Советы и большевиков и восхваляя Учредительное собрание. Я хорошо помню этого Шундрикова, т. к. сам работал в это время подручным слесаря, а потом помощником машиниста в Тихвинском депо — и утверждаю, что в его действиях заметна была планомерность и последовательность; несомнено, он выполнял поручения партии. Снискав расположение рабочих, Шундриков неизменно был избираем и на разные должности и в делегации. Был он избран между прочим от железнодорожников и на 2-й уездный с'езд Советов, где выступил с очень резкой оппозицией, критикуя не только местный исполком, но Советскую систему и большевиков вообще, стараясь расположить С'езд в пользу Учредительного Собрания. Ряд подобных выступлений создал Шундрикову в обывательской массе города репутацию народного героя, борющегося открыто с большевиками за правду. Наряду с Шундриковым действовали и другие, более мелкие эсеры; распространялась эсеровская литература, устраивались собрания, выносились резолюции. Особенно энергично работало эсеровское т. н. «культурно-просветительное общество железнодорожников». Искуственно и искусно возбуждаемое против Советов недовольство возрастало и примерно к середине июня не заметить его было уже невозможно. Исполком, хотя всего видеть и знать не мог, но отчетливо сознавал, что среди железнодорожников свито контр-революционное гнездо и что из этого эсеровского гнезда можно ожидать всяких воз-

можностей. Ликвидировать быстрыми и решительными мерами опасную шайку Исполком не решался, т. к. приходилось дело иметь все же с рабочими и, кроме того, особенно веских материалов для ликвидации еще не было. Чувствовалось, что назревают события. 16 июня в здании т. н. продпункта (огромный барак у ж. д. линии, построенный во время войны для питания проезжающих воинских поездов) было очень многолюдное собрание железнодорожников и тихвинских граждан; слушали доклады делегатов ездивших за хлебом в Пермскую губ. и в Ленинград за разрешением на провоз хлеба в Тихвин. Делегаты сообщили, что они «везде натыкались на непреоборимую стену проводимой центральной властью монополии хлебных грузов»*) и что свободной закупки и вывоза хлеба вне плана им не разрешили. Собрание вело себя очень бурно, слышались негодующие возгласы с мест и крики «долой большевиков,» страсти накалились, особенно после того, как представитель Горсовета Саньков, заявил, что «завтра в городе будет последняя выдача остатков хлеба по 1/4 ф. на едока». Стали выступать политические ораторы (в том числе и Шундриков), которые от продовольствия перешли к текущему моменту, к учредительному собранию, посыпались угрозы и брань по адресу Советов. Попытки возражений в защиту Советской власти, встречались крайне враждебно, — казалось толпа таких ораторов готова была растерзать! Момент был очень острый; восстание легко могло-бы вспыхнуть по первому слову главарей, но они пока, видимо, еще не хотели восстания, имея ввиду, должно быть, приурочить его к другому, более для них удобному времени.

За собранием на продпункте последовали другие менее многолюдные собрания в районе железной дороги с участием привлеченного из соседних деревень крестьянства. Контр-революционная работа делала на глазах у Исполкома большие успехи; терпеть это дальше становилось невозможно и исполком решил действовать. 18 июня было написано, а 19 опубликовано следующее обращение.

«Граждане Тихвинского уезда!

Граждане Города Тихвина!

Исполнительный комитет Тихвинского Сов. раб. и крестьянск. депутатов на днях вами избранный, тот самый Исполнительный Комитет, которому ваши представители, бывшие на с'езде Советов (с 30 мая по 1 июня включит.) обещали поддержку, выразив ему полное доверие - обращается к вам со следующим воззванием.

---

*) **Наш Край, 1918 г. № 15.**

Дело революции в опасности! С востока надвигаются полчища, желающие уничтожить труды свободного народа, питающие надежду стереть с лица земли ненавистную им революцию и Советскую власть. Контр революционеры, под влиянием чехословацкого бунта, приподняли головы и злорадно шипят. Это замечается и у нас, в Тихвинском уезде, а главное в г Тихвине. Уже несколько раз были проявления контр-революционных выступлений, а теперь они вспыхивают в районе, прилегающем к ж. д. станции «Тихвин,» куда некоторыми железнодорожниками созываются граждане г. Тихвина и соседних деревень для вынесения противосоветских постановлений. Нагло обманывая население, сообщая совершенно лживые сведения — представители и слуги буржуазии натравляют граждан на Советскую власть не считаясь с тем, что город Тихвин и его уезд находятся на военном положении и что без разрешения Военного Комиссариата недопустимы никакие собрания и сборища, эти железнодорожники, не уполномоченные железнодорожными организациями стараются всюду мешать делу революции, что было, между прочим заметно и на недавно бывшем с'езде Советов Такие лица — Шундриковы и Компания — и теперь призывают население к лозунгу: «Долой Советскую власть. Да здравствует Учредительное Собрание».

Товарищи! Поддержите своих избранников, поддержите и не верьте тем, кто обещает вам многое в надежде приманить вас к себе, чтобы надеть на шею вашу прежнее ярмо. Достаточно убедительный пример такого заманивания — это судьба Украины, где теперь трудовой народ изнывает под тягостью немецкого штыка и русско — немецкого капитала. Эти Шундриковы делают все, чтобы мешать организации продовольственного поезда, делают все, чтобы обострить голод, чтобы раз'единить силы. Все попытки Совета организовать дело продовольствия встречают отпор со стороны железнодорожников Шундрикова и ему подобных.

Исполнительный Комитет не хочет пока что прибегать к военной силе, хотя и имеет на это право (город и уезд находятся на военном положении), надеясь на сознательность, благоразумие граждан и веря в то, что граждане гор. Тихвина и уезда поддержат Советскую власть.

Да здравствует Революция, да здравствует рабочее крестьянское Правительство, да здравствует Советская власть.

Тихвинский Исполнительный комитет
Совета Рабочих и КрестьянскихДепутатов."

Одновременно созрело решение арестовать Шундрикова и отправить его в Ленинградскую комиссию по борьбе с конт-революцией. Самостоятельно такой шаг Исполком сделать поостерегся и отправил телеграммы, — одну в Совнарком, другую в Исполком Сев. Зап. области с просьбой разрешить арест и немедленно прислать вооруженную силу для предотвращения восстания. Служащий Борисов, бывший в связи с эсерами, при внесении этих телеграмм в исходящий журнал*), снял с них копии и передал железнодорожнику Карпову, который точас же поднял на ноги всю станцию.

*) Факт, ярко рисующий тогдашнюю канцелярскую наивность и неопытность исполкома: секретные особой важности телеграммы проводятся через простой журнал исходящих.

19-го июня Шундриков был арестован и 19-го же в помещении депо, было устроено собрание, на котором решено было всеми способами требовать освобождения Шундрикова, а впредь до освобождения об'явить забастовку. Был избран стачечный комитет, по линии была разослана телеграмма с предложением поддержать забастовку; волнение перекинулось на другие станции — от Званки до Бабаева. Решено было ни под каким видом не допустить отправки Шундрикова в Ленинград.

Забастовка началась 20-го июня. В этот день весь Тихвин был поднят на ноги с 4-х часов утра тревожными гудками паровозов. Все думали сначала, что начался где-то пожар и наперерыв бежали к станции, подгоняемые призывным, крайне нервирующим, необычным стоном паровозов.

„Через час станция была запружена народом. Прибывшие граждане здесь узнали, что пожара никакого нет и что на станции все обстоит благополучно. Но паровозные гудки все еще продолжают тревогу. „Что, что случилось? где пожар?“ спрашивала у толпы взволнованная женщина с ребенком на руках, но ответа не получила. Все, как и эта женщина, сгорали желанием узнать, что случилось? Зачем эти тревожные гудки, если нет нигде пожара? Зачем такая тревога? У всех было одно желание узнать, для чего была поднята тревога? „Арестовали“, глухо прозвучало в толпе и из уст в уста передавалось дальше. Арестовал, того самого, который на собрании всегда ругал советы и предложил резолюцию „Долой Советы“, „Да здравствует Учредит. Собрание“. — Так зачем же пожарные гудки? Зачем же поезда задержаны? — Какое отношение имеет „долой советы и учредит. собрание“ — к тревожным гудкам? К остановке движения и т. д. „Да вот видете-ли, товарищи! пояснял окружившей его толпе, железнод. служащий: „Шундрикова арестовал Совет и хотят увезти его в Петроград. Вот потому и тревога; надо же чтобы народ за него заступился, — мы увезти его не дадим. У нас все приготовлено. Мы забастовали, не только мы, но и все дороги забастовали. У нас и стачечный комитет приготовлен. У нас и телеграмма об его аресте перехвачена. Все в наших руках. Мы покажем Совету!“... служащий взмахнул кулаком и начал пробираться из толпы. В другой толпе, собравшейся около ж. д. часовни, женщина держа ребенка за руку взволнованно кричала на Советы и после каждого выкрика, не замечая, все сильнее и сильнее дергала ребенка за руку и только тогда обратила, вниманье, когда ребенок дернутый за руку, носом ударился об колени соседки и своим криком заглушил выкрики матери по адресу Советов. „Зачем тебя черт принес со мною!.. У, как дам тебе“!.. закричала на ребенка женщина и потащила его из толпы. Во втором классе кучка ж. д. служащих и местных купцов и кулаков шопотом вела разговор и только слово „Советы“ рельефно выделялось из шопота. В третьем классе, среди граждан рассказывал рабочий: „Да товарищи! Мы пригласили его нарочно к нам из Архангельска, как просветителя. Его перевели к нам, как организатора. Мы приняли на службу его вне очереди. А тут вдруг Совет сунул нос не в свое дело. Да и вообще Совет за последнее время стал часто вмешиваться в наши дела. Здесь у нас был старший милиционер Лошкомоев, он хотя и не служил

у нас на ж. д., но он тоже был партийный. Здесь он все организовывал. Собирал деньги, торговал книгами на Екатер. ул., а здесь у нас он был свой работник и организатор, но Совет и на него стал зубы точить, а он вынужден был уехать из Тихвина. Вот какие времена настали, хуже прежнего, Советы пикнуть не дают. И эти Советы"... — не окончил рабочий фразу, как толпа с криком и шумом устремилась с вокзала на платформу. Там проходил председатель Тихв. Сов. Раб. и Кр. депутат. т. Соловьев. Раз'яренная толпа женщин и мужчин готова была на месте растерзать его. Толпа с криком и руганью по адресу т. Соловьева бросилась вслед за ним и, казалось, вот в Тихвине будет первая жертва контр-революции. Тов. Соловьев на все эти выкрики заметил: „Подождите, дайте разобраться, в чем тут у вас дело?" и спокойно пошел в вагон. У окон вагонов была толпа кулаков и местных женщин. Через окна толпа грозила ему кулаками. Но и тут дело обошлось без жертв. Со стороны Вологды и Петрограда были задержаны поезда за семафорами. На вокзале взволнованные граждане с нетерпением ждали ответа на посланную куда-то телеграмму.

В третьем классе неожиданно для публики появляется машинист т. Васильев и комиссар ж. д. Мельников. Они приехали на паровозе со Званки. Тов. Васильев предложил арестованных на паровозе доставить в Петроград. Не успел он окончить последнюю фразу, как раз'яренная толпа набросилась на него и начала избивать. Здесь пошло в ход все, что было только под руками, даже и финские ножи, но благодаря вмешательству лиц, проникнутых благоразумием, т. Васильева удалось освободить от озверевшей толпы избитого и в изорванной одежде. Для разгона бушующей толпы, которая делала попытки наброситься на комиссара Мельникова, была открыта охраною пулеметная и ружейная стрельба. Все в паническом страхе бросились бежать со станции и, к счастью, вся эта контр-революционная авантюра обошлась без человеческих жертв"*).

Появление т. т. Мельникова и Васильева об'ясняется так: Когда движение на участке Званка-Бабаево прекратилось,—Васильев, сам член Тихвинского Уисполкома и член ячейки Р. К. П. (б). на ст. Тихвин, — был на Званке и там по предложению комиссара дороги, старого большевика Мельникова, вызвался наперекор забастовке доставить его на паровозе в Тихвин. Паровоз был взят из под поезда и пошел под управлением Васильева вопреки всем ж. д. правилам, не взирая на семафоры, без жезлов и путевок. Прибытие Мельникова с Васильевым было весьма своевременным. Мельников энергичными, смелыми действиями и распоряжениями поднял дух у исполкомцев и сторонников Советской власти. Забастовка была прекращена, но Шундрикова пришлось выпустить и он скрылся неизвестно куда. Вскоре в Тихвин стали прибывать красноармейские отряды и появился между прочим несколько позже отряд рабочих-печатников, водрузивший для острастки пулеметы на видных пунктах города. Эсеры предпочли или скрыться вместе

*) Наш край, 1918 г., № 16.

с Шундриковым из Тихвина, или перейти к подпольной работе. О неудавшемся ж. д. восстании начато было следствие, которое закончилось расстрелом 5 человек, о чем дальше.

Известное выступление левых эсеров имело некоторое отражение в Тихвине, хотя очень незначительное. Исполком послал пятому Всероссийскому С'езду Советов и Совнаркому телеграмму о доверии и преданности, а 9 июля выбрал из своей среды для борьбы с левыми эсерами военно-революционный комитет из трех членов (Кольцов, Микенас и Пивников), представив ему неограниченные полномочия. Этот ревком выпустил два след. приказа:

ПРИКАЗ

Военно-Революционного Комитета. г. Тихвин.

№ 1, 9-го июля 1918 г.

„Находящийся временно в г. Тихвине в распоряжении Тихвинского уездного Комиссариата по Военным Делам отряд дружины в количестве 20 чел. отдела наружной охраны Комиссариата по Внутренним Делам Союза Коммуны Северной Области, как отряд лево-эсеровской организации, в связи с выступлением левых эсеров в г. г. Москве и Петрограде против Советской власти, сего числа разоружен. Отняты винтовки, ручные гранаты и бомбы, после чего отряд отправлен в г. Петроград в распоряжение комиссара по Военным делам Петрогр. Трудовой Коммуны.

Военно-Революционный Комитет Трех
Микенас, Пивников и Кольцов.

ПРИКАЗ

Военно-Революционного Комитета г. Тихвин.

№ 2 10 июля 1918 г.

„Военно-Революционный Комитет в связи с выступлением левых эсеров и им сочувствующих против Советской власти, предписывает всем подведомственным Тихвинскому Совдепу Отделам и Комиссариатам всех враждебно-относящихся, а равно и агитирующих против Советской власти сотрудников немедленно увольнять с уплатой жалованья по день увольнения.

Военно-Революционный Комитет Трех
Микенас, Пивников, и Кольцов“,

Из членов Исполкома левым эсером оказался один уездвоенком Максимов; на вопрос исполкома о том, что он намерен делать, Максимов ответил: «я сочувствую левым эсерам, но с ними против Советск. власти не пойду; не могу также пойти против них в случае их выступления, а потому останусь нейтральным».*) Этот нейтральный человек сложил с себя звание военного комиссара «ввиду сочувствия левым эсерам» и на его место был назначен И. Б. Микенас. Позднее Максимов все таки вступил в Р. К. П. Так кончилось отражение лево-эсеровского выступления в Тихвине и уже 12 июля Ревком был ликвидирован.

*) Наш край; 1918 г. № 21.

В июле в Тихвине образовалась, наконец, организация Р.К.П.(б). На железной дороге коллектив Р. К. П. (б). (немногочисленный) возник еще 5 октября 1917 г., но сведений о его работе никаких не имеется. Члены этого коллектива, напр. Васильев, Иванов, Шпиндлер, Азерстарх и др. участвовали в советской работе уезда. Члены Тихвинского Исполкома и их ближайшие помощники, проводя революционную коммунистическую работу, долго к партии формально не принадлежали. 12 июля образовался «временный комитет партии большевиков» и открыл запись в члены. Записались прежде всего члены Исполкома. 25 июля было первое собрание организации. Собралось 17 человек (15 членов и 2 сочувствующих); из них известны по именам: Соловьев Н. Я., Румянцев М. И., Кольцов И. И., Микенас И. Б., Исаков, Чугунов, Розов, Сафонов, Ершов, Иванов, Григорьев, Ермолов, имена остальных пока не установлены. Собрание избрало организационное бюро и никакими другими вопросами не занималось. Из последующих (очень редких) протоколов собраний бюро и всей организации видно, что собственно партийная работа возникшей организацией не велась; члены организации все ушли в работу советскую. Протоколы бледны и мало содержательны. 27 июля был избран президиум фракции Уисполкома (Соловьев и Исаков); 25 августа уездная организация слилась с железнодорожной и был избран первый Уком Р. К. П. (б). — (члены: Соловьев, Микенас, Азерстарх, кандидаты: Качалов, Чугунов, Азерстарх другой). 5 сентября Уком решил связаться с Губернской организацией и послал представителем для постоянной работы в Череповец А. Шпиндлера, отчислив для этого из средств Уисполкома 1000 рублей. Раньше-же (да, впрочем, и долгое время после) Тихвинский Уком предпочитал иметь дело непосредственно с Ленинградом, с Сев. Зап. Обл. Комитетом Р. К. П., получая оттуда инструкции, указания, советы, литературу и пр.. В архиве Укома имеется довольно много писем из Сев. Зап. Об. Комитета, подписанных т. Стасовой, относящихся ко второй половине 18 г. и самому началу 19 г. Письма эти, обычно пространные, очень содержательны и касаются самых разнообразных вопросов жизни Тихвинской организации, от общих и принципиальных до самых мелочных включительно. Партийная жизнь оживилась лишь с конца 1918 г., когда начался массовый приток членов в партию, когда появились в Тихвине партийцы — организаторы (особенно т. Н. В. Талалаев, питерский пролетарий — рабочий с дооктябрьским стажем, прибывший в Тихвин в декабре и 18 де-

кабря избранный председателем Укома); и тогда Уком стал заниматься не исключительно советской, а и партработой. Наиболее интересные моменты из жизни Тихвинской организации начинаются уже с 1919 года.

IX.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР.

После некоторого затишья и передышки, с конца июля начинается бешеный натиск контр-революции на советскую страну, открывается героический период напряженной, неслыханно тяжелой и изнурительной гражданской войны. Появляются новые и новые враждебные армии, организуемые международным капиталом, открываются новые и новые фронты. Там и здесь — по всей стране, особенно вблизи фронтов, вспыхивают восстания — кулацкие, голодные, провокационные. Взрываются мосты, фабрики, сооружения. Сжигаются деревни и города. Идет беспощадная жестокая борьба, в которой нет места ни для какой жалости и сострадания. Пускаются в ход все средства, — начинается полоса убийств из за угла, террор против вождей революции. Ярославское восстание, натиск Сибирской армии, заговор вокруг семьи Романовых и расстрел этой семьи в связи с заговором в Екатеринбурге, убийство Урицкого (а несколько ранее и Володарского), предательское покушение на Владимира Ильича, б. м. укоротившее его жизнь, — все это события с конца июля по начало сентября — за какой нибудь месяц с небольшим. Голод, возникающее недовольство в массах, саботаж интеллигенции, усталость и развал армии после войны невероятно ухудшали положение, но революция творит чудеса и сама в себе таит неиссякаемый источник колоссальных сил, проявляющихся в героизме, самоотверженности и гениальной способности к организации революционных классов. Чем крепче натиск, — тем сильнее сопротивление, тем беззаветнее готовность к борьбе, тем непоколебимее и могущественнее воля к победе. На белогвардейские фронты двинулись полки красной армии, этого чуда из чудес революции, а на белый террор внутри страны ответом последовал не менее беспощадный террор красный. Возникает учреждение, начальные буквы названия которого — *Ч. К.* — стали известны всему миру, как символ самого страшного орудия пролетарской диктатуры, как

роковой знак, предвещающий близость неотвратимой гибели буржуазии.

Тихвинский уезд, — живая часть живого тела Советской республики, жил всю революцию вместе с ней единой жизнью. Едва только телеграф, или почта, или газеты приносили в Тихвин очередной призыв, лозунг, просьбу или приказ, — отклик не заставлял себя ждать. На призыв к террору — следовал террор, на требование солдат для красной армии уезд выделял тысячу за тысячей крестьян от сохи, только что вернувшихся в родные семьи с четырехлетней царской войны, усталых и голодных, но готовых идти против помещиков и капиталистов. На веление напрячь все силы для борьбы с голодом крестьянский потребляющий уезд проводил через представителей крестьянства железную систему продразверстки и давал даже вывоз продуктов для красной армии. Хозяйственный же фронт, опираясь «на крестьянина и его лошадь» уезд поддерживал обычной своей продукцией — хлебами и лесом, почти ничего не получая взамен. Это был подлинный героизм будней, — героизм без пышных фраз, красивых жестов и классических поз, но с такими жертвами, а иногда с таким самоотвержением, какие могут быть проявлены массами только действительно в моменты исторического под'ема.

После Ярославского восстания и своих собственных уроков Тихвинский Исполком серьезно занялся организацией аппарата борьбы с контр-революцией. 13 августа председателем отдела по борьбе с контр-революцией (переименованного 20 августа в чрезвычайную комиссию) был удачно назначен И. И. Кольцов, выдержанный стойкий товарищ из крестьян Васильковской вол., с железной волей и неутомимой энергией. Он создал настоящую Ч. К. в Тихвине и затем настойчиво проводил репрессии против всех враждебных Советской власти элементов — начиная от сельского кулачка и до подпольных эсеров включительно. В этой своей деятельности И. И. Кольцов приобрел в уезде широкую известность, как самый непримиримый и свирепый враг буржуазии, как олицетворение могущественной и страшной Ч. К.. Активную работу Тихвинская Ч. К. начала с действий против б. офицеров. Этих последних было довольно много в Тихвине; они обычно болтались без дела и хоть погоны сняли, но держали их вместе с оружием спрятанными в укромном месте в ожидании, когда понадобятся. Уездвоенком в 20-числах августа разослал всем б. офицерам, жившим в городе, предложение поступить добровольно на командные должности в армию. На это пред-

ложение откликнулись трое или четверо; большинство в то время мечтало об армии белой, всей душой ненавидя большевиков. Офицеры представляли тогда ни что иное, как готовый аппарат для вооруженного восстания. Совершенно естественно, что этот аппарат нужно было разбить вдребезги. С этой целью из центра был разослан секретный приказ произвести арест и проверку всех бывших офицеров, где-бы они не находились. В Тихвине аресты были произведены 21 — 23 августа; ускользнувшие от арестов должны были явиться добровольно или навсегда скрыться, потому, что 25 августа Ч. К. расклеила такое об'явление:

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

„От Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией при Тихвинском Исполнительном Комитете.

Настоящим предписываем всем бывшим офицерам (не арестованным), воспитанникам военно учебных заведений, не исключая стоящих в рядах Красной Армии а также всем иностранным офицерам и поддан. явиться немедленно в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией и спекуляцией (Павловская ул. д. Никоновой) для регистрации.

Уклонившиеся от регистрации будут расстреливаться на месте. Срок регистрации для городских жителей до 27 августа нов. ст. Проживающие в уезде должны явиться в недельный срок со дня настоящего об'явления.

Чрезвычайная Комиссия.“

Городская тюрьма была в результате битком набита офицерами, — обозленными, напуганными, теряющимися в догадках о своей дальнейшей судьбе. А по утрам у тюрьмы, на базарной площади, выстраивался хвост из родственников, приносивших «передачу». Казенная пища в тюрьме в то время была такова, что сидевшие только на ней одной умирали самое большее через три месяца; именно так, между прочим, безкровно были казнены два негодяя, зверски вырезавшие целую семью в дер. Жилая Глина (Большегорской вол.) весной 1918 г..

Одновременно производились аресты среди буржуазии и видных представителей старого строя. Наряду с арестами шли обыски, конфискации и реквизиции. Иногда тем или иным группам или лицам из буржуазии ставились ультиматумы; напр. исполком 23 августа постановил:

„На организацию общественной столовой для беднейшего класса города и уезда взыскать единовременный налог с бывш. Союза лесопромышленников в сумме 100 рублей. Во избежание неисполнения всех лиц упомянутого Союза заключить под стражу“.

Буржуи или платили, или шли в тюрьму. Но если и платили, то этим откупались только на короткий срок; проходило немного времени и за них принимались так или иначе снова.

Общее внутреннее положение Республики и некоторые местные признаки, заставляли принимать еще более крутые и чрезвычайные меры.

«28 августа ввиду развития белогвардейских выступлений, принимающих иногда форму открытых военных действий, что указывает на наличие начинавшейся расходиться волны контр-революционного движения, планомерно распространяемой местными белогвардейцами, для немедленного принятия решительных мер к остановке в самом зародыше распространяемых волн контр-революционного движения Уисполком постановил: избрать Военно-Революционный Комитет с передачей ему всей полноты власти».

В этот Ревком вошли т. т. И. И. Кольцов, И. Б. Микенас, Т. Г. Пивников, Азерстарх и Иванов (два последних железнодорожники). Специальной задачей Ревкома было укрепить авторитет местной власти путем ряда энергичных террористических действий и, в частности, ликвидировать окончательно эсеровскую работу среди железнодорожников. Заглохшее дело о забастовке 20 июня — было снова поднято. Ревком организовал при себе с первого же дня следственную комиссию из т. т. Н. Я. Соловьева (председателя), Л. М. Смирнова и Азерстарха, поручив ей немедленно заняться делом о железнодорожной забастовке. Комиссия повела следствие очень быстро; лица, прикосновенные к организации забастовки были арестованы. Допрос производился в спешном порядке до поздней ночи в здании Уездвоенкомата*). Главные виновники (в том числе, конечно, и Шундриков) своевременно скрылись, из остальных арестованных наиболее виновными оказались пять человек: 1) Борисов М. Л. (служащий Исполкома, — передал железнодорожникам копию телеграммы о предполагаемом аресте Шундрикова, во время забастовки выступал в толпе с речью), 2) Лаурин П. А. (слесарь депо, один из руководителей собрания ж. д. рабочих, избравшего стачечный комитет, член этого комитета, активный организатор забастовки отдававший, напр., приказание о разборе рельсового пути); 3) Карпов М. В. (рабочий ж. д., распространял полученные от Борисова копии телеграмм, был избран членом стачечного комитета, выступал с агитационными речами, натравливая толпу на советы); 4) Компус Л. И. (начальник депо, распространял через служащих эсеровскую литературу, приглашая эсеровских агитато-

*) Ныне здание УНКа.

ров и пропагандистов для работы среди железнодорожников, активно участвовал в забастовке, отдал распоряжение о подаче тревожных гудков с паровозов, о разрушении ж. д. пути, о повороте круга, чтобы не выпустить паровозы из депо, велел снять регуляторы с паровозов, что-бы остановить движение); 5) Смелков А. В. (слесарь депо, разобрал рельсовый путь во время стачки, руководил стачечным движением).

Во время следствия по этому делу в Тихвине было получено известие об убийстве т. Урицкого и о покушении на т. Ленина; это повлияло худшему на участь обвиняемых. На основании следственного материала и, главным образом, в видах политической целесообразности, Ревком 2 сентября приговорил их к расстрелу; приговор был приведен в исполнение отрядом печатников на рассвете 3 сентября в окрестностях Тихвина. Следует отметить, что при подписании этого приговора в Ревкоме произошли разногласия; член Ревкома Пивников по религиозным, будто-бы, воззрениям (как толстовец) долго отказывался дать свою подпись под приговором, потом, под влиянием очень веских аргументов приговор все-таки подписал.

Это был первый расстрел в Тихвине и он подействовал ошеломляюще. Многих взяла жуть и оторопь. Власть показала себя властью; все поняли, что шутки пора оставить, когда дело идет об интересах революции. Агитация сократилась и спряталась, создавались нормальные условия для проведения разных мероприятий власти. Можно спорить, настолько-ли виновны были расстрелянные для такого сурового приговора, но несомненно одно: политическая польза этого расстрела была колоссальна.

Одновременно с расстрелом пяти, Ревкомом были об'явлены заложниками из числа арестованных офицеров и представителей буржуазии след. лица: Мельницкий С., Изачик Г., Калантаров С., Александров И., Мей П., Порушкевич Ф., Яковлев В., Домбрушевский Л., Зайцев Е., Джакели С., Ильин И., Иванов А., Михайловский А., Киселев П., Садов В., Шугин А., Ген А., Киселев Н., Пагольский П., Голоушов Б., Унковский А., Ильин Н., Костров И., Жуков Б., Каливецкий А., Александров А., Измаильский И., Измаильский Б., Дитлов С., Кочерыжкин В., Крылов А., Базырин С., Мордвинов П., Мордвинов А., Унковский К., Тыртов В., Белозерский А., Агафонов П.. Список заложников заканчивался такими словами. «В случае возникновения, какого либо контр-революционного выступления или единичного террора, направленного против

Вождей Революции и Советских деятелей, заложников постигнет та-же участь, как первых*).»

Военно- Революционным Комитетом несколько позднее заложниками были дополнительно об'явлены: «Михаил Ник. Буткевич — быв. Предвод. Дворянства, Конст. Ник. Тимирев, — быв Член Госуд. Думы 3 созыва, Ив. Ив. Завьялов, учит. Гор. уч. — Член Парт. Нар. Св., Ив. Мат. Аплонов — домовладелец, бывш. круп. торгов. Алекс. Фед. Воложбенский — крупный землевл. и домовл., Митроф. Андр. Билибин — крупный землевлад., Ник. Иван. Воскресенский — бывш. офицер., Ник. Ник. Лобойков — бывш. офицер».

Эта мера также, конечно, способствовала укреплению авторитета власти. Ревком цели достиг вполне и уже 24 сентября Исполком постановил: «ввиду наступившего в городе и уезде полного спокойствия в смысле контр-революционных выступлений — Военно-Революционный Комитет считать распущенным». Политику террора должна была продолжать Ч. К.; серьезных проявлений контр-революции в уезде уже не наблюдалось и потому Ч. К. занялась преимущественно мелочной вермишельной работой по борьбе со спекуляцией и разными единичными антисоветскими, обычно кулацкими выступлениями; кроме того энергично велось разоружение населения. Примеров этой работы Ч. К. можно было-бы привести очень много; беру самые типичные:

24 сентября за открытую агитацию против Советской власти крестьянин Васильковской волости (из приказчиков лесопромышленника Любимкова) И. В. Михеев приговорен к трехмесячному тюремному заключению; 25 сентября три крестьянина — кулаки, дер. Усадья бр. Егоровы приговорены за контр-революционное восстание на 14 дней ареста.

Таких дел очень много, так-же как и дел о незаконном хранении оружия. Но еще больше дел о спекуляции.

30 сентября крестьян. Красноборск. вол. М. И. Добряков за продажу без разрешения 5 голов скота был оштрафован на 5000 руб. 11 октября кр-н. Васильковской вол. М Николаев был оштрафован на 5000 руб. за укрывательство нормированного товара. 6 октября кр-н Костринской вол. Яков Шабанов за незаконный провоз 2 пуд. мяса по ж. д. лишился оного и, кроме того, уплатил штраф 15000 руб. 12 октября некая Эмилия Пок была оштрафована на 1500 руб. за «продажу капусты не по нормам, а мешками (кто сколько желал).» 14 октября Ч. К. разбирала «дело о продаже гражданином Костринской вол. д. Городища С. А. Смирновым — клюквы выше установленной цены;» по сему делу Смирнов был оштрафован на 300 руб., а 3½ пуда клюквы были конфискованы. 18 октября по делу «о продаже гр. гор. Тихвина Вас. Рогачевым яблок, негодных

*) Т. е. расстрел, т. к. список опубликован был вместе с сообщением о расстреле пяти.

к употреблению, выше установленной цены — «Ч. К. постановила оштрафовать Рогачева на 100 руб., а отобранные 5 фунт яблок уничтожить». 21 октября разбиралось дело о продаже 10 фунтов муки по 10 руб. за фунт Шуваловым гражданину Казанцеву, постановлено: вернуть деньги обратно за вычетом стоимости муки по твердым ценам.

О дальнейшей борьбе Ч. К. с политическими партиями сведений не сохранилось; известно, впрочем, что многие правые эсеры из мартовских были арестованы и выпускались после отречения от партии. Например, 25 сентября было:

«Заслушано дело об освобождении из тюрьмы правых эсеров Н. Михайловой и И. Шабашева. Постановлено Н. Михайлову освободить, взяв с нее подписку. И. Шабашева освободить, ввиду того, что он дал подписку о выходе из партии.»

Уже самый характер всех этих «дел» показывает, что Тихвинский уезд был уже вполне спокоен. Понемногу стали выпускать и заложников, — по крайней мере тех из них, которые заявляли о своей лойяльности и желании работать с советской властью. 18 ноября по амнистии выпущены были и все остальные заложники.

Спокойствие, однако, не было прочно обеспечено; вся страна была в волнении и иногда гребень какой нибудь шальной волны неожиданно достигал и Тихвина. 2-го, например, ноября проезжавший из Ленинграда на Вологду эшелон матросов 1-го морского Кронштадтского полка задержался на ст. Тихвин; от кого-то из граждан матросы услышали множество нареканий на местную власть. Делать было в ожидании паровоза нечего и вооруженные матросы толпой отправились в город «проучить» виноватых комиссаров. Ими был сделан налет на несколько советских учреждений, но главным образом почему-то на Уездвоенкомат, где после обыска всех помещений матросы потребовали под угрозой открыть огонь выдать наличное оружие. Уездвоенком Микенас принужден был подчиниться и отдал 2 пулемета, 3 винтовки, 5 револьверов, 9 шашек и 2 полевых бинокля. При всей этой трагикомической операции присутствовал военком полка Киселев со своим помощником Пулькой. Забрав оружие и залпом выпустив неизрасходованный остаток невероятных виртуозных ругательств по адресу членов Тихвинского Исполкома и Уездвоенкома, матросы отправились обратно на станцию, открыв по дороге беспорядочную стрельбу в воздух и наводя панику на тихвинских граждан. Рассерженный Уездвоенком Микенас послал вовсюда отчаянные телеграммы с жалобами на налетчиков; ответ по телеграфу вскоре последовал из Вологды такой: «по требованию комиссара армии

т. Кузьмина эшелон кронштадтского полка выдал беспрекословно 2 пулемета, 3 винтовки и пр... пришлите приемщика 9343. В. П. З. К. Ветров». Самый налет сошел, очевидно, с рук матросам безнаказанно; спасибо, что хоть оружие отдали! Описанный случай с матросами характерен, но, разумеется, серьезного значения, тем более политического, не имел.

X.

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

В общем Исполком твердо встал на ноги, укрепился, расчистил поле для деятельности и повел в уезде все боле и болеее четкую классовую революционную политику.

С 25 сентября было введено классовое распределение продовольствия по знаменитым трем категориям (первая категория — рабочие, медперсонал — кроме врачей, матери с грудными детьми, женщины-хозяйки, инвалиды и ответственные работники; вторая категория — служащие и интеллигенты, как напр. врачи, инженеры и т. п.; третья категория — весь буржуазный класс и духовенство). Для второй категории полагалось выдавать 50% выдачи первой категории, а для третьей только 25, на деле же третья категория не получала ничего. 11 октября были опечатаны и закрыты все торговые заведения города, а в квартирах их владельцев были произведены внезапные обыски с целью «пресечения спекуляции». Тогда же была национализирована и городская аптека Лапковского. Еще раньше, 3 октября организованы были на линии ж. д. заградительные отряды.

7 октября решено было выселить буржуев, занимавших лучшие дома в городе и вселить в освободившиеся квартиры бедноту. С этой целью была создана комиссия из Ф. Азерстарха, Васильева и Рубанова. Полное переселение буржуев на окраины города было произведено в 1919 году, а пока их только уплотнили. В сентябре была установлена всеобщая трудовая повинность; на этом основании буржуев стали выгонять на принудительные работы — на уборку нечистот, пилку и колку дров в общественных учреждениях и т. п. Женщины из буржуазного класса привлекались рубить капусту и мыть полы в пролетарской столовой. Продуктивность этого труда была

не велика, но моральный эффект был огромный. Вводилось всеобщее военное обучение трудящихся; возникали комитеты бедноты — комбеды.

В деревне шло классовое расслоение, беднота тоже об'единялась в комбеды. Кулакам пришлось выдержать жестокий натиск. Страницы «Нашего Края» пестрят корреспонденциями из волостей о проделках кулаков, о их спекуляции, о борьбе с ними. Часто эта борьба проводилась весьма крайними методами, напр. 10 октября «Наш край» напечатал без всяких примечаний редакции такую декларацию:

„Мы граждане дер. Дворищ Жуковской волости от 26 июля с. г. постановили вывести из пределов нашего селения всех воров и спекулянтов, людей пользующихся легкой наживой и вообще вредных для общества элементов и решили за первое преступление наказывать 50-ю ударами розог, а заставшего (?) на месте преступления бить на смерть, этим мы вытолкнем из нашей трудовой среды всех живущих на наш кровавый труд. В свободной России не должно быть воров и спекулянтов! Хлебороб Семен Солнцев“.

Очень часто крупных кулаков организованно грабили по типу грабежей помещечьих усадеб.*) 2 ноября в Тихвине был с'езд комбедов, после которого большая часть делегатов поехала в Ленинград на известный областной с'езд комитетов бедноты в первую годовщину революции.

В спокойных условиях успешнее продолжалось и советское строительство. 1 Октября открылся третий уездный с'езд советов, на нем участвовали представители от Ленинграда т. т. Лобов и Павловский. Доклад Соловьева о расстреле пяти и о режиме террора с'езд встретил аплодисментами. В новый Уисполком были избраны след. товарищи (уже списком, предложенным фракцией коммунистов) — Соловьев, Кольцов, Микенас, Румянцев, Азерстарх, Ермолов, Пунгарев, Попов, Исаков, Суворов, Пивников, Кириллов. Родичев, Некрасов, Максимов, Озеров, кандидатами — Беляев, Вознесенский и Иванов. Бывший на с'езде представитель Череповца т. Королев, возвратившись обратно, 3 октября сделал в Губисполкоме об этом с'езде почему-то крайне неодобрительный доклад и Губисполком принял резолюцию очень неприятную для Тихвина (ни содержания доклада, ни текст резолюции мне не известны). Когда сведения об этом дошли до Тихвина, — Уисполком обиделся, вознегодовал и 17 октября по докладу Соловьева принял огромную резолюцию (на четырех страницах писчего листа) в которой указывалось, что:

---

*) См. стр. 33.

„Королёв односторонне и пристрастно делал доклад“ и „ввел в заблуждение членов Губисполкома“, что с'езд отличался “подготовленностью“, никаких „междуведомственных трений не было“, вялости в работе с'езда не было, потому что „какая могла быть вялость президиума с'езда, как выразился т. Королев, если председателем президиума был т. Соловьев, умело председательствующий на первом, втором и третьем с'ездах, единогласно избираемый всегда и всюду в работах уезда, как неутомимый, практичный, твердый и непоколебимый в политических делах и убеждениях работник со дня первого крестьянского с'езда, с 5 марта, до настоящего времени состоящий Председателем Исполнительного Комитета, председателем комитета Коммунистической партии (большевиков), председателем Совнархоза и т. д., дающий руководящую роль всей планомерной и плодотворной работе в отделах Совета“. Наоборот, читаем в этой замечательной резолюции дальше, „третий с'езд Советов отличался энергией и деятельностью, заслуживающей другой оценки, а потому Тихвинский Исп. Комитет единогласно постановил: 1) вынести т. Королеву порицание за легкомысленную и необдуманную оценку деятельности Советского учреждения, управляющего весьма важным в экономическом и политическом смысле районом и введение в заблуждение Губисполкома. 2) Просить Губисполком отменить постановление от 3 октября по отношению к Тихвинскому Уездному Совету. 3) Делегировать т. Соловьева в Череповец для личного доклада“. Далее в 10 пунктах Королеву задавались убийственные вопросы (напр. „в чем выразилась слабо развитая партийная работа в уезде“, „в чем замечено отсутствие признания центра (Губисполкома)“, „в чем именно выразилось тяготение к областному комитету“, в чем выражается нечувствование связи с Губисполкомом“, „откуда известно о трениях между отделами“ и т. п.), а конец резолюции был такой: „если т. Королев откажется дать ответы и об'яснения на эти пункты, то будет привлечен к революционному суду за явно неправильное освещение деятельности Тихвинского Уисполкома, чем нарушил общий ход работы в отделах, т. к. члены Исполкома ужасно возмущены“...

Соловьев действительно срочно отправился в Череповец для реабилитации Тихвинского Исполкома, но напрасно, что видно из след. постановления Уисполкома по докладу Соловьева, сделанному им 25 октября по возвращении из Череповца:

„Тихвинский Исполком считает, что резолюция, вынесенная Губисполкомом по докладу т. Королева и оставленная им без изменения после доклада т. Соловьева, не соответствует действительности, что Тихвинский Уисполком вторично и подтверждает“.

Из этой любопытной полемики видно, что, во первых, между Тихвином и новым губцентром Череповцем не установились хорошие отношения и Тихвин, почти игнорируя Губисполком, больше тянул к Ленинграду, и что, во вторых, Тихвинский Исполком, несколько опьяненный властью и своими успехами, впал в род некоторого самоослепления, самомнения и самовосхваления; сия болезнь особенно захватила главу исполкома т. Соловьева, печатав-

шего в «Нашем Крае» свою автобиографию и допускавшую в качестве соредактора газеты, печатание диффирамбов по своему адресу с такими, напр. выражениями:

„Необычайной энергией Н. Я. Соловьева Советская власть образовалась в Тихвинском уезде и до сих пор им высоко держится у нас Советское знамя и пролетарская честь“ (статья о третьем с'езде Советов в № 46 1918 г.).

Тут уж даже советская власть и чуть ли не вся революция возникла благодаря Соловьеву, — председателю Исполкома, и партии, и совнархоза и пр.. Еще один шаг — и отчего-бы не заменить все эти учреждения и организации — светлой личностью Соловьева. Это было начало курьезного «в уездном масштабе» цезаризма; своего рода каррикатурная наполеоновщина. Забегая вперед, скажу, что такое об'ективно*) явно не советское и не коммунистическое положение, граничащее на самом деле с личным режимом, привело в конце концов (в 1919 году) к конфликту между Исполкомом и Соловьевым; Соловьев открыто заявил на одном из Губернских с'ездов (в частной беседе) что он «держит весь уезд и самих членов Исполкома в ежевых рукавицах». Этого ему простить не могли, наружу вылилось накопившееся недовольство, мелкие обиды, придавленное самолюбие, образовались «партии в партии», т. е. группировки за и против Соловьева, началась склока, жалобы в губернию и в конце концов товарищи отделались в сентябре 1919 г. от Соловьева, избрав его членом в Губком Р. К. П. (б). Все это следует, конечно, приписать крайней идейной слабости партийной организации в Тихвине и отсутствию в ней настоящих партийцев; упомянутый выше т. Талалаев (рабочий и партиец) пытался бороться» с «соловьевщиной» и с другими ненормальностями уездной жизни за коммунизм, но не смог ничего сделать; ему не давали хода и при первых партмобилизациях, в сущности, выслали из Тихвина.

Продолжала развиваться, быстрее, и успешнее, культурная работа. По уезду стихийно возникали культурно-просветительные кружки и общества молодежи. 11 октября по докладу Соловьева Исполкомом был образован культ.-просвет. отдел с широкими задачами. В октябре удалось сформировать хорошую труппу актеров (во главе с Казанской) и открыть в Тихвине довольно приличный постоянный театр. Митинги стали обычным явлением, агитаторы довольно часто присылались иногородним от-

*) Суб'ективно Н. Я. Соловьев был, конечно, предан революции и работал с абсолютной честностью.

делом Смольного, иногда очень видные товарищи — напр. Лобов, покойный Восков и др.. Возникали новые общественные организации с коммунистической окраской; в сентябре А. И. Попов организовал «союз рабочей молодежи III интернационал», положив начало местной организации Р. Л. К. С. М.. В сентябре им же был организован «союз учителей интернационалистов», вступивший в борьбу со старым эсеровским всероссийским союзом учителей. Образовывались профессиональные об'единения. Начиналась школьная реформа. В начале сентября было получено телеграфное предписание:

„В связи с введением новых методов преподавания и необходимостью подготовиться к работе в реформированной школе, Компрос Северной Области постановил отсрочить начало занятий до 1 окт., с тем чтобы время с 1 сентября по 1 октября было использовано для подготовки и ознакомления с методами трудовой школы".

Ввести трудовую школу по телеграфу даже и в месячный срок было трудновато. В Тихвине ограничились пока изгнанием Закона Божия, буквы Ѣ и работой по классовому расслоению учительства при помощи Союза учителей интернационалистов.

Первую годовщину Октябрьской революции Тихвин отпраздновал старательно и даже эффектно. В важнейших пунктах города были понастроены триумфальные арки, разукрашенные и убранные хвоей. Всюду появились красные флаги. Было шествие организаций со знаменами и лозунгами. Насчет лозунгов питерский рабочий Розов ядовито заметил, что их много было всяких и даже очень хороших, но «я не заметил нашего священного лозунга» «пролетарии всех стран соединяйтесь». Это было, конечно, случайное упущение. Выступали многочисленные ораторы. Сжигали на площади торжественно царские портреты, гербы и эмблемы старой власти, а также чучело, изображавшее Николая второго. Были переименованы улицы — Екатерининская в улицу Маркса, Павловская и Богородицкая — в Советскую, Каменная площадь в площадь Свободы. Вечером все три дня праздника открыты были театр и кинематограф.

К концу 1918 года Тихвин был вполне советским. Росли и множились учреждения, занимая все новые и новые дома и порождая квартирный кризис. Опустела и затихла базарная площадь, исчезли ларьки, наглухо и на долго закрылись магазины. У немногих распределительных пунктов, т. н. городских лавок, часто можно было видеть длинные хвосты — очереди, голодные озлоблен-

ные, нервные, — ожидающие 1/2 ф. муки по карточкам на едока. Замелькали опять серые шинели, — теперь уже красноармейские. Жизнь шла как не настоящая, как во сне. Но над всем господствовала, все подчиняла, всему приказывала и все наполняла — единая воля к коммуне, столь тогда, казалось, близкой, столь достижимой.

Вл. Равдоникас.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса Ц.И.К.

Цена 50 коп.